

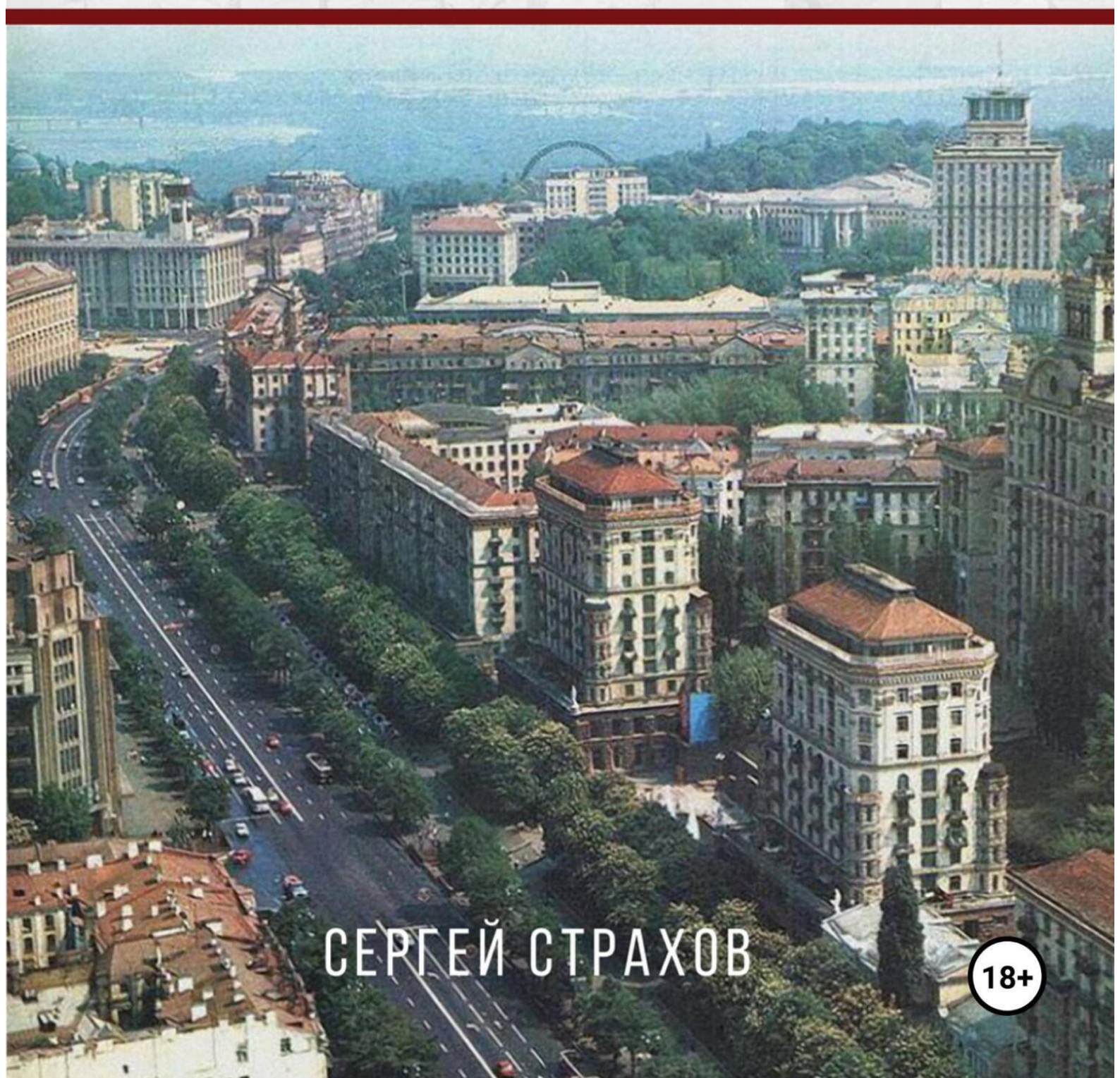
КИЕВ

НАШ ГОРОД

ХРОНИКА КИЕВСКИХ БУДНЕЙ

СЕРГЕЙ СТРАХОВ

18+

Сергей Страхов
Киев – наш город

«Автор»

2023

Страхов С. О.

Киев – наш город / С. О. Страхов — «Автор», 2023

Жизнь 70-х и 80-х настолько предельно правдиво изложены писателем, что, читая книгу, приходит понимание того, что мы в некоторой степени всё это знали, но особо не придавали многим вещам значения. И о том, что в те времена было многое позволено, потому что существовал огромный зазор между действительностью и юридической ответственностью. Автор пишет о том, как обычные киевские пацаны и девчонки пытаются выбраться из этого обычного советского гетто. Они тоже хотят спокойной обеспеченной жизни. Это не футболисты, не хоккеисты, не артисты, не музыканты, не дети прочей советской и партийной обслуги и просто больших начальников. Это дети рабочих, инженеров, военных, маленьких начальников. И они могут рассчитывать только на самих себя. Пытаются пробиться, как могут, как умеют. Не многие выживут в той мясорубке, куда они с остервенением толкают сами себя и друг друга и, похоже, что не самые лучшие. Увлекательно и детально авторы описывают эти события, действующих реальных лиц в своей книге.

© Страхов С. О., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	43
Глава 9	45
Глава 10	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Страхов

Киев – наш город

Глава 1

Наш район усиленно расстраивается за счет прилегающих к городу сел Михайловская Борщаговка и Беличи. Сносится и застраивается частный сектор на Святошино – дома еще царской постройки, раньше бывшие загородными дачами, в отдельных местах сохранивших еще эти дачные и лесные названия: Первая просека, Вторая просека, Третья просека, Четвертая просека, Пятая просека. Вот на Четвертой просеке я и родился.

В этом месте, окруженном дубами в три обхвата, вековыми соснами и огромными киевскими каштанами стояла наша хибара – такая же деревянная бывшая дача постройки XIX века с резными филенками, разноцветными ставнями, ранее сдающаяся городским дачникам на лето. После того, как в прошлом веке произошел Октябрьский переворот, дачи у владельцев забрали, кое-кого, на всякий случай, расстреляли. Но хозяев этого дачного городка родовитых тетю Таню и дядю Колю, как их в этом поселении все называли, пожалели, и даже выделили две комнатки с отдельным входом в этом самом дачном комплексе, где они всю оставшуюся жизнь и прожили. Хорошие, спокойные, воспитанные люди. Моя мама их любила и уважала.

Как и всё у нас, неожиданно началась чудовищная война, и началась она не в нашу пользу. Немцы наступали, наши отступали. Через пару месяцев война вплотную приблизилась к Городу. Среди мирного населения началась паника. Первыми, естественно, начали тотальное бегство из города вглубь страны самые большие патриоты, партийные горлопаны и их обслуга. Опустели целые кварталы, в основном на Печерске. Липки, полностью заселенные семьями НКВДистов, стояли совершенно пустые. К тому же тринадцатого сентября пришел приказ о тотальной мобилизации. В этот день в армию забрали более двухсот тысяч мужчин. Город совсем опустел.

У защитников города были талантливые высокие и высшие командиры, которые молниеносно привели своих подчиненных к ужасной катастрофе, несмотря на героизм и самопожертвование рядовых красноармейцев и младших командиров.

Несмотря на фантастическую доблесть моряков Пинской флотилии и Киевского отряда, вынужденных затопить свои суда и сражавшихся, как голодные львы, на суше. Их освободители боялись больше всех остальных.

В боях в Голосеево, в Жулянах, Мышеловке, Гостомеле наши солдаты и матросы оказывали бешеное сопротивление освободителям от коммунизма. Видя, что в лоб город не взять, европейцы спокойно обошли его с юга и северо-востока. Кольцо окружения быстро сжималось.

И тогда решено было бросить город, оставив прикрывать свое бегство... ополченцев – штатских людей в возрасте и комсомольцев – практически детей. Теперь драпали главари защитников так, что побросали даже своих раненных в госпиталях, заведомо зная, что с ними произойдет.

А произошло вот что: Когда немцы заняли город, то в районе «шелкостроевской слободки», где стоял кпп на выезде из города, они набрали на госпиталь с ранеными красноармейцами. Решили приспособить госпиталь для своих нужд. А что делать с его обитателями? Долго не думали. За госпиталем вырыли две большие канавы силами самих же раненных. В одну побросали тяжелых, да и забросали землей. Возле второй канавы построили более легких раненных и расстреляли. Даже не добивали – тоже забросали землей. Киевляне, проживающие тогда рядом, рассказывали, что там еще несколько дней шевелилась земля. Когда вернулись сбежавшие защитники города, то на месте этих канав построили жилой дом!

И захватчики, и вернувшиеся затем защитники так запугали местное население, что правду удалось узнать только через пятьдесят лет и то только тем, кто этим интересовался.

Во время Киевской операции в плен к фашистам попало около полумиллиона красноармейцев. Они умирали от голода, непосильной работы, издевательств и избиений в концентрационных лагерях на Керосинной; в Дарнице, где погибло не менее сто двадцати тысяч красноармейцев; на Сырце, где погибло двадцать пять тысяч наших солдат.

Справедливости ради заметим, что не все так быстро драпали от немцев. Героическая 5-я армия, под командованием генерала Потапова, погибала под Киевом в окружении, но продолжала сражаться до тех пор, пока немцы не вышли к самой Москве, а раненного генерала Потапова немцы взяли в плен.

Когда доблестная Красная армия отступила из Киева, то на произвол судьбы было оставлено и около четырехсот тысяч мирных граждан, не успевших эвакуироваться. Брошенными оказались те, кто не работал на важных предприятиях и не был квалифицированным рабочим выше третьего разряда, не являлся членом семей работников НКВД, ЦК, командного состава и партийных органов, не имел возможности выехать самостоятельно. Ведь советская пропаганда с утра до вечера трезвонила одурманенным людям, что Киев ни при каких обстоятельствах не сдадут – вот люди и досидели в городе до последнего, надеясь на доблестных защитников.

Эвакуация происходила на пяти железнодорожных станциях: «Дарница», «Киев-Пассажирский», «Киев-Московский», «Киев-Товарный», «Киев-Лукьяновка». Желающих уехать было много, но не все могли. На вокзалах было все оцеплено и функционировали специальные пропускные пункты. За ограждение пропускали только тех, у кого была бронь, в общей сложности выехали триста двадцать пять тысяч человек.

Правда, многие жители и сами не хотели выезжать из Киева, надеясь на манну небесную от новой немецкой власти. Им очень не повезло. Ведь вместо диких нецивилизованных коммунистов-тиранов в город вошли цивилизованные европейцы...

До войны наша семья проживала на Подоле. Потом европейские друзья в 1941 году наш дом разбомбили. 19 сентября 1941 года, немецкие войска заняли Киев.

Городская управа, наспех собранная из всевозможных предателей, садистов и шпионов, сжалилась над нашей семьей – погорельцами. Вместо разбомбленной квартиры бабушке с двумя дочерьми – моей мамой и ее сестрой Тамарой – выделили квартиру на Евбазе, таком же старом Киевском районе, как и Подол. И на том спасибо.

Еды нет, воды нет, денег нет, туалет на улице, но для того чтобы попасть в него, нужно пройти через двор, кишущий голодными злобными крысами, размером с кошку. Питались одним лишь хлебом из каштанов. Управа распорядилась, чтобы жители собирали каштаны и сдавали их на хлебозаводы. Там из них делали хлеб, похожий на мыло, горький, рассыпавшийся, как только затвердеет, и выдавали его по талонам три раза в неделю по двести граммов. Такая вот жизнь. А выживать нужно.

Бабушка вышла замуж за полицая и перебралась к нему на Святошино, в одну из тех самых конфискованных у буржуев дач. Там был приусадебный участок и какая-никакая подкормёжка. Может, оно и неправильно и не патриотично, да и вообще, граничит с предательством. Кто знает? Кто может судить? Те, кто сбежали, бросив сотни тысяч солдат на погибель и столько же мирного населения на голодное вымирание? Я – не могу.

Когда вернулись сбежавшие защитники, то бабушку за это чуть не посадили, а полицая Гончаренко отправили в Сибирь, так как хоть человеком он был и неважным, но участия в карательных зверствах не принимал – все больше пьянствовал.

Полицай Гончаренко сразу же невзлюбил двух бабушкиных дочерей. Одну – мою маму – заставил сдать в детдом на Соломенке, организованный в период оккупации городской управой. А ее старшую сестру Тамару вообще выгнал из дому, не пустив даже на порог. Отправил

обратно на Евбаз, в пустую квартиру. Бабушка была от него уже беременна и не особенно могла противиться.

Можно представить, что такое детдом в тяжелое военное время? Думаю, что и в послевоенное, и в совсем нетяжелое, жизнь там медом не казалась никому, да еще и для девочки, которой только-только сравнялось десять... В детдоме кормили три раза в день: утром и вечером теплой водичкой коричневого цвета (отвар мелассы), а днем жиденьким кандером, и по кусочку эрзац-хлеба из каштанов. А весной, когда появилась первая крапива, варили зеленый борщ. И это было спасением от голодной смерти.

Мама никогда не рассказывала, как она пережила это время. Я некоторое время даже не знал о такой «страничке» в ее биографии, да, честно говоря, не особо и интересовался. А потом к нам как-то зашла в гости мамина старая подруга, бывшая в Киеве проездом. Мне, в ту пору подростку, совсем не хотелось сидеть за столом с непонятной теткой, которую я видел в первый и, скорее всего, в последний раз в жизни. Но пришлось: такие вопросы у нас в семье не обсуждались – гости есть гости, и принять их надо как следует.

После пары рюмок мамина подруга, которую звали Катей, вдруг подперла щеку рукой и, уставившись на меня блестящими, немного пьяными глазами, сказала:

– А знаешь, Сереженька, что именно благодаря твоей маме я сейчас вот тут сижу?

Я ничего не понял, а мама нахмурилась.

– Что, она тебе ничего не рассказывала? – удивилась тетя Катя.

Я покачал головой.

– Хлеб у нас забрали, – сказала тетя Катя. – Пацаны. Они постарше были, и посильнее...

Ну и, понятное дело, жрать еще сильнее нас хотели. Мужики, они менее выносливые...

– Кать, не надо, – как мне показалось, сердито сказала мама Мужики, они менее выносливые...

Тетя Катя качнула головой:

– Нет, Зоя, надо. Плохо, что наши дети ничего о нас, своих родителей, не знают...

И, махнув рукой, продолжила. Перед моими глазами, как живая, встала картинка. Две девочки в одинаковых казенных платьях непонятного цвета – не то линяло-горчичного, не то грязно-серого. Одна – постарше, повыше, но – очень болезненного вида. Она постоянно кашляет и, вытираясь платком, испуганно заглядывает в него: кто-то сказал, что, возможно, у нее чахотка, и она до спазмов в животе боится увидеть на платке кровь. Вторая – поменьше, тоже очень худенькая, но более жилистая, чем подруга. Она постоянно хмурится.

На улице сумрачно. Девочки, прячась и ежесекундно оглядываясь, перебегают двор – от тени, отбрасываемой домом, в тень, отбрасываемую старым колодцем, оттуда – под старый скрипучий вяз с толстым стволом. Перемещаясь от тени к тени, они добираются до полуразрушенного сарайчика на противоположном конце двора и, еще раз оглядевшись, ныряют в дыру.

В сарайчик в свое время попала бомба и, разумеется, его никто не восстанавливал. Мало того, детдомовские боятся сюда лазить: есть поверье, что здесь «водятся» привидения – женщина с мальчиком, которые погибли в этом сарае в момент той самой бомбежки. Кое-кто даже утверждает, что видел этих призраков своими глазами: дородную женщину и худенького мальчика, которого она таскает за руку. Говорят, даже, что мальчик, как только увидит человека, начинает плакать и просить есть.

Но младшая девочка сделала именно здесь свой маленький тайник. Она прячет здесь неведомо, где найденные цветные стеклышки, два цветных лоскута, найденных здесь же, в этом подвале, и большую стеклянную бусину дымчато-голубого цвета. Бусину она захватила из дому – прямо перед тем, как ненавистный отчим взял ее за руку, чтобы везти сюда. Бусина напоминала о маме. Девочка некоторое время носила эту бусину на шее, но позже поняла: если она хочет ее сберечь – надо спрятать, а то старшие отнимут.

Сюда же, в этот тайник, которым она пользовалась уже более двух месяцев, она приносила и хлеб. Где она брала его – старшая девочка не знала, и боялась спросить. Она, эта старшая девочка, вообще была боязлива.

А тайна «лишнего хлеба» была проста: младшая обратила внимание, что работницы кухни вечерами выносят в сумках еду – даже при том скудном рационе, который полагался воспитанникам, они ухитрялись что-то стырить. «Отложенные на вынос» продукты складывались отдельно – но в общей каморке: на всякий случай. А вдруг кому в голову придёт проверить расход продуктов.

О том, что из кладовки есть выход в подвал никто, кроме младшей девочки, пожалуй, и не знал: детдом переселили в это здание экстренно, после того, как бомбежкой было разрушено прежнее. А младшая девочка, до появления в детдоме старшей, несчастной и растерянной, не слишком-то общалась с кем-то, предпочитая одиночество. Вот и обнаружила – сперва подвал, а потом и проход.

Правда, для того, чтобы забраться в люк, приходилось карабкаться по стене, выделявая чудеса акробатики. Но на что только ни способен голодный ребенок, зная, что вот еще немного усилий – и можно будет сунуть в рот мягкие терпкие крошки... или кусочек сырой свеклы... или, на худой конец, лепешку из очисток и свекольной ботвы.

Она не зарывалась: брала только чуть-чуть. Так, чтобы никому в голову даже не пришло заподозрить пропажу. Это чуть-чуть помогло ей выжить – паек был настолько скуден, что каждую неделю число воспитанников детдома уменьшалось, как минимум, на один. Она берегла свою тайну, и никто о ней так и не узнал – кроме этой самой старшей девочки, Кати, единственной подруги, которая хоть и была старше и выше, но воспринималась

– Ешь здесь, – строго сказала младшая девочка, протягивая старшей кусочек хлеба и судорожно сглатывая: ей и самой есть хотелось так, что желудок, казалось, свернулся в трубочку.

Старшая жадно сжевала половину и, глубоко вздохнув, протянула остаток младшей:

– Это уже сама... Младшая, заложив руки за спину, категорично покачала головой:

– Ешь, я сказала. Завтра еще будет.

Старшая смотрела на жалкий остаток хлеба.

– А можно... А можно, я его с собой заберу? Я перед сном съем.

Младшая покачала головой:

– Кто-то увидит...

– Никто, никто не увидит! – горячо зашептала Катя. – Я вот в карманчик... а потом в постели съем, когда уже свет погасят! У меня, когда ложусь – сильнее всего живот крутит!

Младшая вздохнула: она была уверена, что – и обнаружат, и заберут, и почти не сомневалась в том, что подруга, припугни ее кто-то из воспитателей, обязательно выдаст, откуда взяла хлеб. Но... но жалость оказалась сильнее, и она кивнула:

– Можно...

Все получилось еще хуже, чем предполагала младшая: Катя, не выдержав спазмов в голодном животе, решила «оприходовать» хлеб раньше, и была замечена, но не воспитателем и не нянькой, а – старшими мальчишками, которые славились тем, что отбирали хлеб у тех, кто был послабее.

Они не только хотели есть – они хотели знать, откуда взялся «лишний» хлеб. А может, просто хотели поиздеваться – рабы часто мечтают завести собственного раба, а те, над которыми издеваются – отвести душу и сорваться на еще более слабом. Катя успела сообщить, что хлеб – ее, просто от обеда остался, но мальчишки не поверили. В принципе – правильно: невозможно представить, чтобы кто-то сумел оставить «на потом» ту скудную пайку, которая выдавалась за обедом.

Но это было не главное. Главное – что перед ними была добыча, испуганная, едва трепыхающаяся, боящаяся до колик в животе, до синих кругов перед глазами...

– Сейчас ты нам все расскажешь... где хлебушек воруеть... и как совесть позволяет жрать от пуза, когда другие голодают...

Старший из парней, «белоглазый», как его между собой называли младшие, медленно приближался к едва стоящей на ногах жертве, когда вдруг рядом возникло еще одно существо с косичками – маленькое, насуспенное и с большим ножом в руках.

– Отвали, – замороженным голосом сказала младшая девочка.

«Белоглазый» заржал. Эта кроха с ножом – что-то более нелепое себе даже сложно было представить. Да он сейчас одним пальцем...

– Эй, пацаны, вы слышали?

– Ты знаешь, что меня при живой матери сюда заперли? – ровным тоном произнесла младшая девочка. – Знаешь, почему? Потому что меня друган отчима дорогого изнасиловать попытался... а я ему все хозяйство отрезала. Ножик, правда, не этот был, другой, но и этот тоже ничего, острый. Хочешь попробовать?

Что-то в тоне маленькой девочки было такое, что заставило «белоглазого» отступить. К его счастью, кто-то из его банды крикнул:

– Бодя, да оставь ты ее! Я что-то такое слышал! Она и вправду... того... няньки говорили...

Бросив какую-то фразу типа «мы еще с тобой поквитаемся, паскуда малолетняя», белоглазый и его крысюки ретировались. А младшая, выронив нож, долго рыдала в объятиях старшей, и Кате впервые пришлось утешать свою младшую подружку – до сих пор всегда бывало наоборот.

– Вот так вот она мне жизнь спасла. И больше, знаешь, никто нас не трогал, – отхлебнув из чашки, тетя Катя завершила свой рассказ.

Я во все глаза смотрел на мать. Так не бывает! Это неправдоподобно! Но мама, убирая со стола тарелки, даже не попыталась опровергнуть слова своей подруги.

– Мам... это что – правда?

Мама вздохнула:

– Зря ты, Катька, ему все рассказала. Он хоть и взрослый уже... почти... но впечатлителен сверх всякой меры. Забудь, сынок, времена тогда лихие были... много всякого разного происходило...

И только спустя несколько дней я решил и задал ей вопрос:

– А что, правда, что ты мужику... ну, приятелю отчима... отрезала?

Мама пожала плечами:

– Ох, Сережка, нельзя быть таким легковверным! Мне десять едва сравнялось, когда меня в детдом определили. А выглядела и того младше. Во-первых, кто бы позарился? Во-вторых, – как ты думаешь, способен ребенок со взрослым мужиком управиться? Ну, сказала, что первое в голову пришло – у нас тогда любили всякие страшилки на ночь рассказывать, и у меня самые страшные придумывались, девчонки аж пищали. А в такой стрессовой ситуации – тоже придумалось. Главное – я и в самом деле готова была его пырнуть... куда попаду. И, думаю, именно это его и испугало. А не испугайся «белоглазый» – он и в самом деле мог бы у меня нож за пару секунд отобрать. Запомни: что бы ты ни делал, главное – не бояться. Если ты не боишься и готов идти до конца – ты уже сильнее своего противника.

Эти мамины слова я запомнил навсегда.

Тамара имела шестнадцать лет от роду и не имела ровным счетом никаких средств к существованию. В тех условиях нужно было как-то выживать. Поэтому пошла и записалась на работу в Германию. Уехала. Германия встретила ее спокойно и даже весело. По приезду

всех вновь прибывших определили в фильтрационный лагерь, где, впрочем, никто долго не задерживался.

Каждый день в лагере появлялись, как их называли наши, «покупатели», и не спеша выбирали себе работников по своему вкусу. Чем уж им приглянулась Тамара, неизвестно, но после стольких лет мытарств по белу свету она вытянула счастливый билет в лотерею жизни. Тетя попала на ферму к совершенно приличным людям. Это были прибалтийские немцы, и они старались набирать к себе работников, язык которых понимали.

Понятно, что денег им там не платили, но кормили, одевали и относились не как скотине, а были и такие хозяева, а как к людям, попавшим в беду. Но немцы есть немцы – даже попавшие в беду должны целый день работать. Тамара была крепкая девушка, работы не боялась и работала.

Ко времени появления Тамары на ферме там обосновалась разношерстная интернациональная компания работников. Там был восемнадцатилетний поляк Витольд Потоцкий, принудительно вывезенный в Германию после немецкой облавы в родном городе Пётрков-Трыбунальский. Витольд – среднего роста, русский, с огромным носом-клювом и жесткими колючими глазами. Никто и никогда бы не назвал Витэка красавцем, но фамилию он представлял славную, и поэтому был хорошо воспитан, что делало его очень привлекательным в глазах Тамары. Человек крайних левых взглядов, он мечтал избавиться от этой фамилии, – как он говорил, «бандитской».

Там работала ослепительная красавица-киевлянка Мария, всеми способами пытавшаяся припрятать свою красоту, поскольку уже начинала страдать от довольно конкретных попыток хозяйского сына затащить ее в постель.

Заведовал хозяйством фермы, бывший итальянский офицер, граф Марко Антонио Кучинотта. И хоть он скрывался здесь под чужим именем, но за версту было видно, что человек он не простой.

Марк закончил Королевскую военно-морскую академию в Ливорно в 1928 году. Еще обучаясь в рядах академии, Марко Антонио сдружился с князем Юнио Валерио Боргезе. Князь был старше Кучинотты на два года и поэтому часто был заводилой в их похождениях. Как все военные курсанты, эти двое любили выпить в недорогом кабаке, поволочиться за каждой первой юбкой, подражаться с первым встречным, косо посмотревшим на них гражданским. Военная молодежь, она и в Италии военная молодежь.

Все эти забавы совершенно не мешали этим двоим с утра до вечера на равных спорить о дальнейшей судьбе Отечества, попавшего к началу 30-х годов в затруднительное положение и растерявшее былой авторитет в мире. Взгляды у будущих офицеров королевского флота были прямо противоположные. У них буквально на все в жизни были различные взгляды.

Юнио Валерио был убежденный фашист и считал необходимостью установление диктатуры Муссолини. Марко Антонио придерживался демократических взглядов и был противником дуче.

Бесконечные споры, иногда доходившие, по несколько раз в день, и до полного разрыва отношений, с лихвой погашала фанатичная преданность друзей идее возвеличивания, буквально на днях, родной Италии.

Для того, чтобы хоть кто-то помог разрешить их спор, Боргезе познакомил его со своим старшим другом, бароном Элиусом Эволой. Ездить приходилось аж в Рим, но оно того стоило.

Это был тот еще философ, по чем зря критикующий социальные, интеллектуальные, экономические, этические и духовные основы современности. По этому поводу Элиусом Эволой была написана книга-бестселлер «Восстание против современного мира», в которой автор усматривает радикальное отличие современной цивилизации от традиционной.

«Следы, оставленные древними первобытными цивилизациями, нередко таят в себе особый смысл, ускользающий от праздного взгляда. Созерцая остатки древнейшей греко-римской, египетской, персидской, китайской цивилизации, вплоть до загадочных и безмолвных памятников эпохи мегалита, разбросанных среди пустынь, степей и лесов, эти застывшие в камне последние свидетельства давно поглощенных пучиной времени миров, невольно спрашиваешь себя, в чем состоит тайна их упорного сопротивления времени – только ли в счастливом стечении внешних обстоятельств, или же в этом скрыто некое символическое значение».

«В отличие от «цивилизации пространства», которая характерна для современного мира, древние культуры были «цивилизациями времени». Традиционный образ жизни сохранял свою тождественность на протяжении веков и поколений, храня верность одним и тем же принципам, тем же устоям, тому же мировоззрению, которые, разумеется, в чрезвычайных обстоятельствах менялись, но внутренне сохраняли свое «культурно-цивилизационную идентичность». Социальные философы и историки называли такие культуры «застывшими», «неразвитыми», «патриархальными».

Эвола оспаривал этот взгляд. Он называл эти культуры «цивилизациями бытия». «Их сила проявлялась именно в их идентичности, в победе, одерживаемой ими над становлением, над историей, над изменением, бесформенной текучестью». «Они обладали прочной корневой системой, уходящей в глубину, далеко за пределы текущих, переменчивых вод».

«Что же касается современных цивилизаций, то их скорее можно назвать «истребителями пространства». Они производят неисчерпаемый арсенал механических средств, предназначенных для максимального сокращения всякой дистанции, всякого расстояния. Им присущи доведенная до предела потребность иметь, страх перед всем отдаленным, уединенным, глубоким и далеким, стремление повсеместно распространить себя, максимально расширить себя, узнавать себя в чем угодно, обнаруживать себя везде и повсюду, только не в себе самом».

Вот так вот и дальше. Кучинотту во всей этой абракадабре заинтересовала только критика демократии, которая служит, по мнению Эвола, знаком современной «культуры пространства». Юлиус Эвола характеризует ее как «опускание жемчуга власти в придорожную грязь. Иерархический центр, которому придает огромное значение Эвола, смещается и растворяется в бескрайнем море периферии. Чуждые культуры и расы становятся более равными в правах, чем коренное население тех стран, куда они были завезены или иммигрировали. Охрана их «естественных прав» становится основной заботой правительства, с достойным уважением упорством пестующего все чужеродное в ущерб коренным гражданам, что уже приняло характер физического насилия».

Спор не разрешил и Юлиус Эвола. Он критиковал и фашистов, и демократов. В его понимании в современном мире возникли два наиболее страшных и апокалиптических, вырожденческих лика – Советский Союз и Соединенные Штаты Америки. Ни много, ни мало. Его признавали своим и фашисты, и антифашисты.

Эвола был человек элитарный и даже космический. И хотя спор друзей он не разрешил, но видя патриотический запал обоих, направил их к Корнелиу Зея Кодряну – основателю Ордена «Легион Михаила Архангела», известного в мире как «Железная гвардия».

Это было уже слишком, и друзья решили немного отойти от изотерических умозаключений и окунуться в мир развлечений. Это оказалось проще и приятнее, чем идеологический спор. Свободное время опять стали проводить в обществе всяких дам, да поколачивая встающих у них на пути штатских. Что характерно, находясь в увольнении, любили они посиживать именно в том кабачке, где и познакомились.

Даже внешне эти два товарища были полная противоположность друг другу. Боргезе – темно русский, коренастый, круглолицый с мясистыми губами, безвольным подбородком на всегда чисто выбритом лице, с, на удивление, покатым лбом и недобрый прищуром темных, как ночь, глаз, всегда был спокоен. Кучинотта – черноволосый, высокий, широкоплечий с волевым

квадратным подбородком, тонким правильно очерченным ртом, очень часто улыбался, отчего его черные, коротко остриженные черные усы постоянно взлетали вверх и обратно, и спорил эмоционально, постоянно жестикулируя руками.

И хотя оба были весьма неординарными личностями, но их дружба дала трещину весьма тривиально. Сразу по окончании академии оба друга были представлены семье Олсуфьевых, приходившейся родственниками самому русскому, царю Александру I, известной на всю Италию своими дочерьми – девицами на выданье.

В 1915 году семья, включая мать и четверых детей, переехала к воюющему с турками отцу в Тифлис. Видимо, не очень отец себя утруждал военными действиями. А в 1919-м году Олсуфьевы спокойно себе перебрались через Батуми в Италию. Здесь у них был свой огромный дом. Деньги они всегда держали за границей в немецких банках, так что устроились безбедно – те еще патриоты России, о чем они всю свою жизнь кричали на всех углах. Отец к тому времени уже вольготно расположился там же – ушел раньше вместе с отступающими белогвардейскими частями.

К тридцатому году сестры выросли и пошли смотрины женихов.

Кучинотта влюбился в среднюю – Дарью. И хотя она обладала резким, мерзопакостным характером, но в нее влюбился и князь Боргезе. Дарья, сообразив, что дело её в шляпе (оба жениха были достойная аристократическая партия) устроила аукцион. Задание претендентам на ее руку было не простое.

Когда семья выехала из Москвы, то всех богатств она забрать не сумела, а соорудила клад в их доме на Поварской. Дом известный. Туда заходили и Александр III, и Коровин с

Бегемотом, и Берлиоз, а позже – Лоллобриджида, Шкловский... – те еще экземпляры. Многие там бывали.

Именно в этом особняке собиралась самая влиятельная в России масонская ложа, ведь граф Василий Олсуфьев – отец семейства был известным масоном. Здесь же хранились и секретные документы, старинные рукописи, золотые сакральные предметы, принадлежащие Ложе. Тут же скопились и фамильные богатства, еще не вывезенные из России этими патриотами.

Вот в этом известном всей Москве особняке, между первым этажом и подвалом, находилась потаенная комнатка, где и были спрятаны сокровища.

Задание такое: кто первым доберется до клада и сумеет вывести его в Италию, тот и жених! Все это было высказано, естественно, в завуалированной форме.

После окончания военной академии, Кучинотта в компании двух инженеров, с головой ушел в разработку нового перспективного оружия – человеко-торпеды, в чем, безусловно, преуспел, и без всякого понимания отнесся к чудачествам, как он считал, Дарьи Олсуфьевой.

Боргезе же сразу определился в боевой флот. Еще в стенах академии он увлекся всевозможными разработками диверсионной деятельности. Предложение Дарьи князь воспринял всерьез как получение надлежającego опыта в шпионско-диверсионной работе.

Как бы там ни было, но князь Юнио Валерио Боргезе организовал похищение из-под самого носа советской власти этого бесценного клада.

Поутру, в один из солнечных дней 1931 года, когда новые обитатели дома на Поварской проснулись, то они увидели только разобранный пол в одной из кладовых, пустой огромный сундук под полом и разрытый подземный ход, ведущий из подвала во двор и выходящий на поверхность прямо посреди большой цветочной клумбы.

Графиня Дарья Олсуфьева вышла замуж за князя Боргезе. Нельзя сказать, чтобы это событие способствовало укреплению дружбы двух офицеров. Дальше – больше.

В 1935 году разразилась Вторая эфиопская война. Муссолини решил таким способом возвеличить просыпающийся дух нации. Боргезе едет воевать, Дарья – тут как тут – сестра милосердия. Какое милосердие может быть в захватнической войне?

Кучинотта трудится в Италии над созданием чудо-оружия

для своей страны.

В 1937 году – Боргезе участвует в гражданской войне в Испании, естественно на стороне Франко, сопровождает итальянские конвои в Средиземном море.

Кучинотта бросает все и едет воевать на стороне Республики. Здесь уж нужно было точно выбирать с кем ты по жизни! Раненным Марко попадает в плен и его выдают в Италию. По выздоровлению Кучинотта без суда и следствия сидит в темнице и ждет приговора, ни много ни мало, за измену Родине.

По возвращении из Испании, где Боргезе был также легко ранен, его в первый раз принимает сам дуче и собирается вручить медаль «За военную доблесть», но Юнио все-таки князь, а не какой-нибудь простой безродный карьерист, и Боргезе просит Муссолини вместо медали себе помиловать офицера королевского флота Кучинотту. Дуче поморщившись, соглашается – князь уже ходит у него в любимчиках.

В 1940 году Боргезе, уже имевший опыт подводной войны, стал командиром подводной лодки «Ширё», которая стала тут же плавучей базой для морских диверсантов.

Все это время, после женитьбы Юнио Боргезе на Дарье Олсуфьевой, приятели не виделись ни разу. Только слышали об успехах друг друга.

Муссолини не только простил нашего Кучинотту, но и вернул его в королевский флот помощником командира подлодки «Прована».

Подводная лодка участвовала в боевых операциях против англичан, но 17 июня 1940 года французский тральщик «Ла-Курьез» заставил всплыть и протаранил всплывшую подлодку. Лодка затонула в районе Орана. «Прована» стала единственной итальянской подводной лодкой, потопленной французским флотом.

В это время территория Орана контролировалась вишистами. Поэтому спасшемуся Кучинотте было оказано уважение и разрешено свободное перемещение по всему берегу. Подлечившись, Марко Антонио недолго думал и был таков. Сотрудничать ни с Муссолини, ни с Петеном у него даже в мыслях не было.

Марко бежал в горы и оказался в рядах маки. Особо ничем отряд не выделялся. Здесь в основном собрались те, кто уклонялся от отправки в Германию в составе рабочих отрядов. Из вооружения – охотничьи ружья. Не удивительно, что через несколько месяцев месторасположение отряда было выдано вишистской полиции предателем. Все партизаны были арестованы и без особого разбирательства отправлены на работу в Германию.

Тогда еще у хозяев фермы не было работников, и они очень даже быстро договорились с местным фюрером о направлении к ним одного из французов, за которого себя выдавал наш герой. Кучинотта мечтал сбежать и отсюда, вступить в ряды настоящего Сопротивления и наконец-то начать приносить полноценную пользу Италии, а не смотреть, как полудурочный дуче ведет его родину к полному краху.

Совершенно естественно, что между высоким статным красавцем, хоть и прикидывавшимся простачком, и простоватой, но очень красивой Марией беззаботно ярко вспыхнула искра любви. Война войной, а итальянский темперамент еще никто не отменял. Мария забеременела, и ровно через девять месяцев у этой пары родилась дочь. Назвали ее Лиза.

Нужно заметить, что все работники фермы переживали за эту пару и заверили очень недовольных хозяев фермы, что работа от этого не пострадает, и все разделят обязанности Марии между собой. Больше всех взвалил на себя Марко – спал по четыре часа в сутки, совмещая обязанности управляющего с обязанностями Марии. Хозяева фермы хоть и были недовольны всем этим, но настояли на том, чтобы пара обвенчалась в церкви. Марк был католик, как и хозяева фермы, а Мария тогда еще была, как и все наши, – нехристь. Так что ей было все равно, где венчаться.

Когда в 1943 половина Италии была оккупирована Германией, граф Кучинотта не считал возможным дальше оставаться в стороне от таких судьбоносных для его страны событий. Как

уж Марко договорился с хозяевами, не ведома никому, даже самой Марии, но бравый офицер собрался и тайно отбыл, заверив свою законную супругу, что после войны разыщет ее непременно. Как бы там ни было, но в Лигурии, действовало целых два итало-русских диверсионных отряда. В отличие от соратников Кучинотты по маки бойцы отрядов по-настоящему боролись с оккупантами: они устраивали диверсии, взрывы мостов, шоссежных и железных дорог, нападали на колонны немецких войск. Один из отрядов возглавлял Марко Антонио Кручинотта.

Ох уж эти мужчины, и особенно – высокородные. Долг, честь, имя у них всегда на первом месте. Знал бы граф, чем обернется вся эта история для его новой семьи – тысячу раз бы еще подумал.

Не так бурно, зато очень надежно развивался роман у Тамары с Витольдом. Тамара – высокая, русая, как и Витэк, девушка с круглым лицом, здоровым румянцем, пухлыми губами и большими зелеными глазами. Она была даже несколько выше Витольда. Такая и коня на скаку остановит и в горящую избу войдет. Наша пара, в отличие от предыдущей, красотой не блистала, зато молодые люди спокойно любили друг друга, помогали один другому и, в отличие от вспыльчивого итальянца и не менее вспыльчивой Марии, никогда даже не ругались между собой.

Когда закончилась война, то молодожены решили ехать на родину к Витольду – очень он волновался за своих родителей. В Польше выяснилось, что отец Витэка – начальник поезда – погиб на службе при бомбежке немцами старинного пётрковского вокзала.

Витольд, наконец-то, избавился от ненавистной своей древней фамилии, взяв нейтральную фамилию матери – Вечорек.

Работали на ферме еще два поляка и несколько девушек, приехавших добровольно вместе с Тамарой – все очень молодые люди.

Конечно, всем обитателям фермы повезло. Союзники сразу же предложили всем на выбор и Штаты, и Канаду, и остаться в их зоне ответственности. Работники, недолго думая, сразу же разъехались. Осталась одна Мария с дочерью. Лиза постоянно болела, и нужно было переждать. На ферме все-таки были коровы и молоко. Мария прекрасно понимала, что ничего хорошего на Родине ее не ждет. Там не будет ни коровы, ни молока для ребенка, а дальше она ехать сама боялась.

– Буду ждать мужа здесь, – ответила Мария каким-то людям в добротных штатских костюмах.

Эти люди не раз приезжали на ферму и уговаривали всех побыстрее оформлять документы для выезда за океан. Видимо они что-то знали.

Мария не уехала. Союзники между собой договорились и выдали всех советских граждан нашим родным долгожданным освободителям. Те особенно не церемонились, а рассовав всех по теплушкам, отправили народ домой для разбирательства, каким образом они оказались в Германии.

Во время войны хозяйский сын – активный участник гитлерюгенда успел вступить в ряды НСДАП и оказаться в войсках СС, где и попал в плен, успев немало напакостить советским войскам. Хозяева фермы усиленно пытались освободить свое чадо, для чего сами завербовались информаторами советского СМЕРША. Конечно же, доложили, что Мария замужем за итальянским офицером.

Разбираться не стали. Мария отправилась прямым путем сначала в лагерь для перемещенных лиц в Поволжье, а оттуда, с детским сроком в десять лет и поражением в правах, прямым путем в Сибирь. Италия воевала на стороне Германии, а стало быть, жена итальянского офицера, да еще и по собственной воле отправившаяся на работу в Германию – предательница Родины.

Здесь уже нужно выживать. Пришлось сожительствовать и со следователем, и с начальником следственного отдела, и с начальником конвоя, и с начальником отряда, и с кумом, который любезно уступил ее начмеду, которому проигрался в пух и прах в буру. Мария под-

писывала все бумажки, которые ей подсовывали все эти негодяи. Нужно было выживать. Эти поступки позволили пристроить Лизу в детскую комнату при лагере, а не отдавать ребенка в незнакомый детский дом по дороге.

Десять лет длились всю жизнь. За это время поменялось три начальника лагеря. Самый первый для Марии был расстрелян, но начмед успел после пятилетней Мариинной отсидки оформить ее как умершую, а вместо умершей Анны Океевой отправить Марию, теперь уже Окееву, на поселение рядом с лагерем. Изменения не большие, но позволявшие забрать подростка дочь из такого же, но детского лагеря. Пришлось терять документы девочки и выписывать новые уже на фамилию Океева, но это прошло легко – кто там за ними следил за этими детьми. Все эти манипуляции почти гарантировали от повторного срока ни за что потому, что повторный пятилетний срок Океева уже отбыла.

Пришлось опять сожительствовать с кумом поселения Хвосты и заслуживать перевод в такое же поселение Зима, но в Пермском крае. Нужно было, как можно тщательнее, путать следы.

На поселении Мария-Анна, чувствующая, что дело идет к ее концу, и пока ее былая красота окончательно не померкла, успела окрутить такого же, как она поселенца Яниса Круминыша – ювелира из Риги и, путая следы, сменила фамилию. Янис же и оформил на себя отцовство Лизы и дал ей свою фамилию.

Отбыв свой срок, супружеская пара отправилась в Ригу. Здесь бы и зажить, забыв все невзгоды, но годы ужасных скитаний по лагерям и бремя общения с плохими людьми быстро свели Марию с белого света. Сорока лет от роду мученица Мария скончалась, успев шесть лет перед этим выдать Лизу замуж за племянника своего мужа Юриса Круминыша. Родственники они были не родные, поэтому ничего в этом не было страшного. И только перед самой смертью Мария рассказала Лизе кто ее настоящий отец, но закланала ее не проговориться об этом пятилетней внучке Галине и, упаси Боже, не искать его. Да Лиза и сама была так напугана этим Пермским краем, что даже думать об Италии боялась.

Жизнь не сложилась и у Лизы. Муж постоянно попрекал ее лагерным прошлым, будто она в чем-то была виновата. Пытался даже поднять на нее руку, но в лагерном детдоме она и не такое видала. Юрис получил бутылкой по голове и был предупрежден, что в следующий раз его вообще убьют. Их малолетняя дочь Галина стояла рядом с матерью и даже пыталась толкнуть ненавистного папаню, обижающего ее любимую маму.

Муженек не на шутку испугался. Дело даже не в Лизиним отпоре, а в том, что после смерти дяди, который скончался сразу же за Марией, остались огромные, как для нашей страны, припрятанные еще до ареста, богатства в виде золотишка и драгоценных камней. Дядя все же был один из самых известных в Латвии ювелиров. Именно благодаря своим запасам он сумел отправиться на поселение, а не в лагерь и окончательно выкупить затем и Марию. Очень он ее любил.

И тогда струхнувший Юрис стал действовать старым проверенным советским способом. В КГБ пошли анонимки об антисоветских высказываниях Елизаветы Круминыш, судимой за измену Родине и дочери эсэсовца. Лизу вызвали, поговорили, предупредили, пуганули, что так недолго и опять в Пермский край отправиться, а дочери – в детдом. Лиза поклялась, что это все наветы пьяницы мужа. Да ее никто в этом бреде и не подозревал – в деле же все есть: и не она судима, а мать и про эсэсовца в деле ни слова. Допросили так, для галочки.

Но Лиза все поняла. Пермского края она боялась до истерики, до мелкой дрожи в руках и ногах. Поэтому ничего никому не рассказала: ни про настоящего отца, ни про богатства отчима, а собрала дочку Галину и дернула в Киев к бабушке, которую до этого ни разу не видела. Лиза путем нехитрых махинаций с документами и небольшой взятки изменила фамилию с Круминыш на Кручинину. Так, якобы, она звучит на русском языке.

Сразу же после войны Тамара приехала из Польши и разыскала мою маму, находящуюся почти в таком же шоке, как и Лиза, после пребывания в детском доме. Каждодневные избиения, плохое питание хорошего самочувствия не приносят, но делают характер резким и злобным. Драться приходилось каждый день и с девчонками, и с мальчишками, и со старшими, и с младшими. Друзей там не было. Была одна злость и полное бесправие.

На удивление мама окончила это, прямо скажем, почти исправительное заведение на четыре-пять, но дальше учиться у нее не было никаких моральных сил. А тут и бабушку, находящуюся больше года под следствием, освободили.

Семья со скрипом воссоединилась. Тамара смогла уехать к мужу в Польшу.

Неудивительно, что после всего этого кошмара мама, как только повстречала на танцах бравого летчика-испытателя, лейтенанта Олега Страхова, то влюбилась в него с первого взгляда и сразу же вышла за него замуж. Она подсознательно теперь хотела иметь хоть одного защитника в жизни. И хотя она была красавицей, но беззаветно любила всю свою жизнь этого лейтенанта, больше ни на кого не заглядывая. Что же касается Страхова, то любил ли он маму, я точно сказать не могу.

Олег Страхов был родом из старинного русского города Старица – вотчине царской семьи Ивана Грозного. Он приехал в Киев по направлению, по окончании военного училища, на работу на авиапредприятие Антонова.

Пока Олег Николаевич летал, он был образцовым офицером и с достоинством представлял наш древний дворянский род, ведущий от опричника Ивана Грозного – Ивана Страхова. В любой компании отец был первый; в баскетбольной команде, несмотря на свой невысокий рост – лучший разыгрывающий; отлетавшись и перейдя на строительство самолетов – первый в своем цеху; серьезно увлекшись фигурным катанием, заделался одним из самых авторитетных спортивных судей в городе по этому самому катанию.

Но спирт, льющийся на таких предприятиях рекой, сделал свое дрянное дело – батя стал выпивать. Из благополучной семьи летчика-испытателя мы потихоньку стали дрейфовать в сторону бедности, но мама пока еще не работала. Мы довольно быстро получили комнату в общей квартире на Святошино и перебрались поближе к цивилизации.

Самолеты строились, все друзья отца шли в гору и переезжали в Москву на руководящие должности, а мы все беднели. Батя успел еще получить земельный участок. Затем, как очень ценный, хотя и пьющий специалист, получил, наконец, полноценную квартиру на новом жилом массиве Борщаговка, на улице имени того самого, героя – генерала Потапова Михаила Ивановича, который, когда немцы были уже под Москвой, в полном окружении сражался с ними еще под Киевом. И это была лебединая песня отца. Маме пришлось идти работать.

С этого и начинается наше повествование в первой книге. Там я и познакомился со всеми персонажами этой саги.

Глава 2

Дома, конечно, меня ждали. Поговорили немного и спать. Только с сестрой я проговорил до утра. Невеселый вышел этот разговор.

В тот субботний день Макс встретился с очередным новым другом Реутовым. Реут – под стать Максу – высокий пацан с длинными русыми волосами. Острый нос, всегда сжатые белесые губы. Не спортсмен, но крепкие руки, от природы очень силен.

Он появился на Борщаговке значительно позднее нас, и ни я, никто-либо из нашей компании, кроме Макса, с ним не был знаком. Так что я представляю его смутно – только по рассказам моей сестры.

Парень захаживал к одной из двух сестер, живущих в соседнем с Максом доме. Макс, иногда, когда выпьет – ко второй. Так и познакомились. Оказалось, что они еще и работают на одном предприятии.

Сразу же после моего отъезда, Саня устроился для того, чтобы отстал участковый по поводу тунеядства, в ближайший научный институт кем-то работать. Тогда свободных вакансий было море. Там работала и Сабарина, там, вообще, половина Борщаговки работала. Кто работал, кто только числился, как Макс.

Теперь Реут, вместо меня, стучит на барабанах. Институт, как участникам художественной самодеятельности, предоставляет гитары, ударную установку, орган, усилители, да вообще всю аппаратуру. И работать не нужно.

Репетируйте себе целыми днями да выступайте на конкурсах, хоть всесоюзных, да на внутри институтских вечерах в честь не таких уж и редких советских праздников. Не нужно тратить деньги на аппаратуру, которая стоила баснословно дорого, да еще и зарплату в институте платят. Немного, но стабильно.

Деньги идут от барменов и банщиков «Пролиска», когда-никогда подваливает работа от Спидолы, перед моим отъездом немного заработали. Скоро можно будет и машину купить. Конечно же, новую «копейку». Уже и жениться можно. Лафа.

Почему не выпить, не помечтать о будущем вдаль от людских глаз и ментов? Как уже было заведено в последнее время, отправились на пустырь за домом. Удобно расположившись на травке, попивая винцо, начали с обсуждения репертуара на ближайшее выступление ансамбля.

И тут на пустыре показалась компания из шести пацанов. Вместе с ними весело двигалась и малолетняя оторва из близлежащего двора со странной кличкой Байдарка. Компания сразу же направилась туда, где расположился и Макс с товарищем.

В этом месте в самом начале застройки Борщаговки коммунальными работниками были высажены пихты в надежде, что скоро здесь будет цветущий парк. Но несколько парков разбили в других местах, а про пустырь забыли. Пихты в скором времени обросли деревьями. Деревья обросли кустами. Кусты обросли высокой травой и чертополохом, которые никто никогда не косил.

Вдобавок ко-всему, в этом месте жители близлежащих домов стали выкапывать себе погреба. Квартиры-то маленькие. Хранить многочисленную консервацию, которой запасались хозяйственные горожане на зиму в громадных количествах, негде. Вот и стали, где только можно, да и нельзя, недалеко от жилых домов появляться эти колодцы, обложенные внутри кирпичом и закрытые на довольно-таки большие замки. Время от времени замки, все же, взламывали и погреба разграблялись, неизвестно даже кем и зачем, и погреба уже стояли открытые и брошенные.

Место это в народе носило соответствующее название: «Пихточки» и имело дурную славу. Может, из-за этих пустых и каких-то отталкивающих ям-колодцев, сиротливо смотрящих пустыми глазницами на каждого приближающегося, а, может, из-за того, что это место облюбовали для пьянок всякие подозрительные компании. Вот и Макс тоже...

Пока компания приближалась, Саня с Реутом успели запастись крепкими колками, коих здесь валялось бесчисленное количество. Ну, не уходить же, в самом деле, из-за каких-то шести человек в другое место. Тем более, что все они выглядели очень уж молодежало.

Компания расположилась буквально рядом с моим непутевым товарищем и его новым другом. Пьянка сначала протекала довольно-таки мирно. Тогда еще младшие хулиганы и бандиты уважали старших бандитов и хулиганов. Но только не в этом случае.

Скоро, как и водится, начались приставания к Максусу, а его все в округе знали прекрасно, на почве: «Ты нас уважаешь?»

– Уважаю, только отстаньте, – отбивались словесно Макс и Реут.

– А если уважаешь, то должен вместе с нами трахнуть нашу подружку.

Вот такое, надо сказать своеобразное, проявление уважительности. Так это понимали вновь прибывшие на пустырь юные беспредельщики.

Макс не хотел. Зачем это нужно Королю Борщаговки, высокому красавцу с роскошной шевелюрой какого-то обалденного темно-каштанового цвета, тонкими правильными чертами лица и озорными глазами, постоянно шутящему и улыбающемуся? На репетициях его группы всегда собиралась толпы поклонниц на любой вкус. Выбирай любую. И он выбирал! Ему не нужна эта Байдарка.

Но уже распоясавшиеся к тому времени будущие урки не отставали. Да оно и понятно. Дело подсудное. Останавливаться они не собирались. Нужно повязать всех, кто рядом, одним преступлением. А там, глядишь, с таким подельником и сами выдвинутся в первые ряды. Слово за слово. Страсти нешуточно накалились. Саня, будучи выпившим, соображал плохо, но беду почувствовал:

– Так, Реут, вставай, мы уходим.

Реутов был очень удивлен такому повороту событий. Чтобы Макс покинул назревающее поле боя против каких-то шести человек? Такого не бывало ни разу. Удивился, но подчинился. Уже отходя или, вернее, отбегая из этого мерзопакостного местечка, Саня услышал крик предводителя этой банды:

– Да не ссы, ты. Мы, после того как все ее трахнем, то забьем вот этим камнем. Восемь ударов по голове и бросим в погреб. Никто ее еще долго не найдет.

– Да делайте, что хотите. Меня только оставьте в покое, – отмахнулся Макс уже в запаре, не предавая этим словам никакого значения.

Макс сплеховал! Дал слабину! Настроение было нешуточно испорчено, и наши герои решили зайти к двум сестрам. Все здесь рядом. Немного еще выпили, и Саня завалился спать. А когда через несколько часов проснулся, то сразу же и вспомнил о том, что сказали на прощание молодые беспредельщики, и его прямо обдало холодным потом. Вспомнил и понял, что это была не шутка. Реута рядом не было.

Когда Макс прибежал в «Пихточки», то вся компания закончила свое грязное дело. Девка была пьяная в стельку и ничего не понимала. Каменюка уже лежал рядом, а все недавние выпускники школы бросали на пальцах, кто будет бить первым, кто вторым, кто третьим...

Не дав банде опомниться, Саня схватил Байдарку в охапку, растолкал этих уродов и, не вступая в драку, вывалился из кустов на просматриваемое место. Еще и темно не было. Байдарку

он отвел домой.

Капитан Гунько не смог отказать себе в удовольствии приехать за самим Максом. Забрали очень быстро раненько утром, не дав никому опомниться, как это всегда делается в наших краях. Уже в машине, обычном бобике, на слабые возражения Макса Гунько, улыбнувшись на всю свою гунявую рожу, сказал ему буквально следующее:

– Она сейчас в таком состоянии, что подписывает все, что мы ей диктуем. Лишь бы быстрее отстали, – и немного подумав, добавил:

– А помнишь, как твой отец к нам в райотдел приходил? Важный такой? Как меня отстранили, помнишь? То-то. Долго я ждал. Теперь точно никак не отвертишься. Конечно, очень жаль, что с тобой твоего друга Гималайского не было. Очень жаль, но еще не вечер.

Меня действительно там не было. Я был еще в исправительном учреждении. И, уж точно, еще не вечер.

Быстро и суд провели. На суде, ко всему прочему, родители Макса выступили и заявили, что они отказываются от такого сына. Нет у них сына. Такие вот они были советские люди. Особенно, обласканные советской властью. Особенно военные, когда войны и в помине не было. Работа – не бей лежачего. И это в то время, когда, мягко говоря, несколько растерявшемуся от такого скоротечного поворота событий их сыну, особенно нужна была поддержка.

Пятнадцать лет исправительных лагерей усиленного режима!

Такую вот жуткую историю рассказала мне сестра. Она дружила с Сашкиной сестрой Алькой и знала все в подробностях, да и всю подноготную этого дела тоже.

Поведала мне сестра и о том, что год назад была закрыта знаменитая киевская «толкучка». Видать, уже обещанный Никитой Кукурузником коммунизм не за горами. И на мой справедливый вопрос:

– А где же вы теперь вещи берете? В магазинах ведь ничего нет.

Сестрица дала исчерпывающий ответ:

– Достаем.

– Как достаете, где достаете, у кого достаете?

– Да друг у друга и достаем.

Кто может косметику польскую достать, а кто ткань красивую, кто машину новую, а кто кульки полиэтиленовые со всякими иностранными надписями, недавно вошедшие в моду. Буквально каждый человек теперь ходит с этим кульком. Кто может мебель достать, а кто дефицитные продукты. Кто билеты в театр, а кто билеты на поезд в летний сезон. Ничего нигде свободно не продается.

И, конечно же, Джинсы! С джинсами, вообще, светопреставление. Носить джинсы начали мы – хипняки, и комсомольцы это очень осуждали. Все это было до того, как меня забрали в исправительную армию.

А когда я вернулся, то уже носили все: и стар, и млад, и худые, и толстые, и начальники, и подчиненные, и богатые, и бедные, и те же комсомольцы. Все теперь хотели иметь эти заграничные штаны, хотя никто из них, уж точно, хиппи не был.

Платили за них немалые деньги. При средней зарплате в сто пятьдесят рублей, джинсы стоили на руках: сначала сто, потом сто пятьдесят, потом сто восемьдесят, а кое-где и двести. Появились специальные люди, которые могут что-либо достать. И отдельная каста – те, кто может достать джинсы.

Повлияло закрытие «толкучки» и на наш семейный бюджет. Сбивать теперь продукцию нашего пошивочного цеха негде, и работа по пошиву батников приостановлена. И хоть я и отдавал маме всю свою нищенскую зарплату, которую получал там, где числился работающим, но денег в семье, конечно, не хватало. Отдавать же из заработанных мною на стороне нельзя – никто ничего не должен знать. Все это нам еще придется переосмыслить.

Глава 3

Наутро, сделав зарядку на нашем школьном стадионе, я, прямо в военной форме, отправился в «Сиреневый Туман». По дороге заскочил к Свете Поповой. Светка несколько с опаской, но вполне дружелюбно высказала свои претензии ко мне. Раз я ей не писал, то и дело ясное – она на днях выходит замуж. Конечно же, я ей писал. Я всем писал, но не от всех дождался ответа. Там в такой обстановке любому контакту с волей неслыханно рад.

Но как рассказала мне моя мама, случайно услышавшая, стоя в очереди за колбасой, как уже ее мама хвасталась, что все мои письма она перехватывала и рвала, не забыв, конечно, внимательно изучить мои планы. Ну, да ладно. Чего уж теперь. Совет да любовь. Но неприятный осадок остался, и я решил к Сабариной пока не идти. Все равно что-то подобное услышу.

В «Сиреновом Тумане», кроме того, что все наши вернулись благополучно, я ничего хорошего, также, не услышал. Не получилось меня упечь, так они отыгрались на Софе. В Консу передали на него целое дело, как на участника драки с трагическими последствиями, и талантливый скрипач вылетел из консерватории, как пробка из бутылки и сразу же загремел в армию. Забрали и последнего не служившего – Пэпа, закончившего

медицинское училище. Ему-то служить фельдшером будет, как коту масленица. Хоть один устроился.

Сразу же после посадки Макса, власть в команде попытался взять Дрыслик при содействии своего недавно освободившего старшего брата. Это была занятная парочка: невысокий

Дрыслик – очень наглый и крикливый, довольно симпатичный белобрысый хулиган – главный. Боря-Шпала – высоченный, темноволосый, похожий на цыгана молчун, подчиняющийся младшему брату уркоган.

Власть в банде, вроде бы и взяли, а вот что делать с ней не знают. Так что люди от них постепенно разбежались, в основном к Лысому, но и за того взялись наши доблестные органы.

Бармены в «Пролиске» попались на недоливе, обсчете и других махинациях. Получили условно, но были взяты на поруки коллективом с обязательной отработкой тут же грузчиками. Не стали сдавать наших ребят, вот менты и оприходовали их. Новые бармены сразу же заложили всех, кто приходил за деньгами. Миша Длинный получил пять, Мэтр – три года, Баскетболист – год.

Взяли по другому делу Коку – лютого врага Макса. Встретились они в одной камере на Лукьяновке и пошли разборы по-новому. Каждый день драка с поножовщиной. Сам-то Кока, среднего роста и телосложения, с Максом никак бы не справился. Но Кока уже прошел малолетку и к этой посадке – законченный урка по своему мировоззрению и, как и все они, наглости неимоверной. В камере его уважают.

Но и Макс зарекомендовал себя в хате сразу же. На простецкое предложение: «Ну, давай раздевайся», он зарядил здоровенному детине в челюсть, да так, что тот отлетел немного в сторону. Поднялась половина камеры, окружили, спросили:

– За что ты его ударил?

– Он же мне сказал раздеваться.

Смеялись все дружно, а потом показали ему на вешалку, расположенную как раз за ним. Дело закончилось мирно, но авторитет он сразу же заработал. А Кока не унимался, подговаривал своих друзей подрезать Макса. Несколько раз пытались, но неудачно. Саня был всегда на чеку, и кум, от греха подальше, развел их в разные камеры.

Мясник опять получил два года. Получили срока и люди из Золотоворотского садика. Шуня находился на подписке, и Лысый решил пока не светиться. Сосредоточился на музыке.

С женитьбой у него ничего не вышло. Плохо жили. Не успел Лысый жениться, как к супруге зачистил бывший с какими-то претензиями. Однажды дверь ему открыл Лысый в семейных трусах и без разговоров зарядил в челюсть. Бывший кинулся вниз, но на первом этаже его догнал Володя с огромным ножом в руках и со всего размаху засадил в брюхо. Вот только промазал и разорвал несколько куртку. Бывший вырвался, но уже за дверями с улицы прокричал, что еще вернется. Ждем.

Через год жена подала на развод, да все как-то недружелюбно проходило. Начала бывшая супруга, а она была актрисой, приводить после спектакля в квартиру к Лысому, в свою комнату, компании. Чуть ли не каждую ночь – оргии до утра. Провоцировали Лысого на скандал. Хотела, приبلудная, отсудить что-нибудь из жилплощади в Киеве.

Приводила-приводила, пока в один прекрасный момент Лысый не выбросил ее вещи с балкона второго этажа. Компания, как раз, высаживалась из такси прямо под окнами. Вот и у Вовчика в жизни беспорядок.

Касеус передал вернувшемуся Мартыну дела и сообщил, что он отваливает. Касеус женился на дочери начальника, поступил в институт и решил делать советскую карьеру. Бог в помощь.

Мартын же по возвращении загулял, и найти его не было пока никакой возможности. Каждый день ночует в новом месте. Я передал через Ленина, чтобы Мартын объявился.

Миха получил два года дисбата за драку и сидел где-то на Востоке. Кудя передал дела Вороне и сосредоточился на учебе в КИСИ, которую он подзапустил во время нашего отсутствия. Нивковскую и сырецкую компанию собирает по кускам Ворона, но пока не справляется. Я направил ему в помощь здоровенного Юру Калину.

Юра очень силен и крепок. Не великан, роста повыше среднего и имел бы атлетическую фигуру, но портят ее очень длинные руки, которые хороши для бокса, но не для атлета. Звезд с неба не хватает. Не особенный и говорун. Незлобивый и, несмотря на то, что он меня вдвое здоровее, мне подчиняется. Видит, что я всегда прав.

Мы все вместе занимались спортом. Калина представляет славный киевский район Отрадный.

Плотник сумел рассориться со всеми святошинскими, и на сходняке был переизбран. Вместо него выбрали Явора. Толик постарше Плотника. На Кременецкой мы жили с ним в одном доме. Когда я пошел в первый класс, Толик уже был в четвертом. К седьмому классу я его догнал. Переехав на Борщаговку, мы уже учились в одном классе. Это был грузный, выше среднего роста, темноволосый пацан с крупным носом и толстыми губами. Густые брови, как у Леонида Ильича. Производит тяжелое впечатление на собеседника, когда смотрит на него мутными глазами пристально с прищуром.

Соображает туговато, но если сообразит, то с пути его уже ничем не собьешь. Хоть стреляй из гранатомета. На Святошино его побаиваются, а значит уважают. Плотник далеко в сторону не отошел. За эти пару лет, и он сумел собрать вокруг себя кое-кого. Посмотрим, как они там поладят.

Один Спидола не подвел. Ну, в нем я никогда и не сомневался ни единой секунды. Передал мне обшак, все дела и сообщил, что уезжает в геологическую экспедицию начальником партии. Как-то незаметно он и Универ закончил.

Ко всему еще, буквально на днях, наконец-то, менты взяли одну банду, терроризировавшую отъезжающее еврейское население нашего города. Как мною и предполагалось, это были все таксисты одного из четырех киевских автопарков.

Приезжали глубокой ночью на такси-фургоне. Людей пытали по-настоящему, пока те не отдавали последнее. Но самое смешное было то, что главарь их по кличке Очкарик жил в нашем дворе и спокойно мог видеть, как мы охраняли семью Бориса Моисеевича. Главарь действительно был совершенно незаметным очкариком и мог хоть целый день ходить вокруг да около – никто внимания на него бы не обратил. Не зря мы трудились.

Репатрианты воспрянули духом – охранять стало не от кого, и я тут же объявил, да так, чтобы побольше людей об этом узнали, о закрытии нашего предприятия.

Как бы там ни было, но нужно с чего-то начинать по новой. Я поручил Гнедому узнать, где теперь живет, уже майор, Гунько. Майор жил там же, но приезжал домой он уже на новенькой «копейке».

Этой же ночью мы с Гнедым подошли к подъезду Гунько. Володя – коренной киевлянин. Их я распознаю сразу же по каким-то только нам видимым флюидам, исходящим от этой общности. Семья его всю жизнь прожила на Саксаганского – наш человек.

Мы сошлись с ним сразу же, как только я переступил порог новой 13-й школы на Борщаговке. Володя – среднего роста, не спортсмен, но физически развит хорошо. Драки не боится. Внешне ничем не выделяется из толпы. Прямые длинные черные волосы, несколько испуганное выражение лица. Но все самые бесшабашные хулиганские выходки я, еще с отроческих пор, провожу именно с ним.

И хотя он хулиган и кое-в чем даже беспредельщик, но в тоже время – самый большой интеллеktуал среди нас. Всегда, везде, в любой поездке, будь то трамвай или авто, он сидит и читает книгу.

Гнедой подпирал дверь парадного крепким колком, а я открыл лючок бензобака и при помощи лейки залил в бак пару бутылок олифы. У «жигуля» застучал мотор и стоимость ремонта должна составить половину стоимости всей машины. Как говорится: в бессильной злобе..., но пока все, что могу.

Эта акция не впечатлила никого: ни нас, ни Гунько. Явно, маловато будет. Ладно. Я подумаю.

Глава 4

Как только нас всех разбросала судьба, вдруг на Борщаговке, каким-то непостижимым образом, открывают сразу четыре бара. Да не просто бара, а точь-в-точь, как в кинофильмах про Запад. Слабо освещенные столики, с настоящей барной стойкой, с коктейлями, с барменами, похожими на барменов, а не на буфетчиков, как они и назывались. Современная музыка и, главное, полное отсутствие ментов, комсомольских отрядов, дружинников и прочего подобного люда.

Такого в Киеве в то время нигде не было. Может в нескольких ресторанах за очень большие деньги, да в валютных барах системы «Интурист». А тут по относительно доступным ценам.

Началось невероятное паломничество на Борщаговку всевозможных продвинутых, бластных, приклатненных, проституток, студентов, девиц легкого поведения, очень модных и не очень, обычных молодцов и девиц. Казалось, что весь Киев собирается по вечерам здесь. Занимали места заранее. Вечерами у входа толпилось невероятное количество тех, у кого не было знакомых из obsługi, чтобы можно было попасть внутрь. Переплачивали администратору за то, чтобы только войти. Мест-то свободных никогда не было.

Бар на Гната Юры, который располагался на втором этаже «Детского Мира», уже успел оккупировать Мартын со своей вновь собирающейся бандой. И каждодневные битвы отличали эту местность. В конце концов, Мартын добился-таки того, что без него там и мышшь пробежать не могла. Даже мастер спорта по боксу полутяжеловес Сталин приезжал из Подола в этот бар только со всей своей бандой. Это только, чтобы просто посидеть в баре.

Примечательным оказался бар на Потапова, расположившийся через небольшой парк от нашего двора. На втором этаже столового комплекса. В баре постоянно приглушали свет, и разные парочки могли обниматься сколько угодно.

Бар оккупировали всевозможные мутные типы, как мухи на мед, слетавшиеся со-всего города сюда вечерами. Драки – каждый день. Уже и я получил здесь прилично в голову прямо в первые дни по приходу, не разобравшись еще в ситуации. Получил и Иванушка, попытавшийся, как было раньше, взять власть в свои руки в нашем же районе. Показал ему кто здесь хозяин некто Гришка Цвет – вроде бы вор не из наших краев и неизвестной нам масти.

Напротив, через поле, расположилась так называемая «Чебуречная» – точно такой же бар, как и два предыдущих, но поменьше и с таким же контингентом.

И конечно «Молодежный». Довольно большой зал на двести посадочных мест. Длинная барная стойка с телевизором и видеомагнитофоном – заморское чудо. Крутящиеся высокие стулья возле барной стойки. Высоченный бармен с бакенбардами, как у дореволюционных метрдотелей. Отличная посуда, великолепная музыка, отдельные полукабинеты, коктейли и почти в открытую продающиеся американские и прочие заграничные сигареты.

Когда я первый раз вошел в это заведение, то у меня челюсти отвалились от удивления. Шикарные тетки, девки и девчонки. Богачи, могущие себе позволить прогулять сто рублей за вечер. Выглядело это все для того советского периода очень презентабельно.

В баре на Потапова встретились с Иванушкой и Плохишом. Оба среднего роста и обычного телосложения, как и я. Оба чернявые с опущенными вниз, нынче очень модными усами и обязательными густыми, длинными, вьющимися, черными, жесткими, как щетина, волосами. В беседе с окружающими всегда ироничны, любят пошутить, а своих – подколоть. С незнакомыми – наглы и в обиду себя не дадут.

Всегда большое внимание уделяют своей одежде. Казалось бы, ничего особенного в них нет, но девки в них души не чают, и вокруг них всегда сплываются все компании нашего и прилегающих дворов. И даже бесспорный авторитет этой местности Вова Лысый относится к

ним с большим уважением. Ну, а в драке равным этим двоим, нет. И всегда они вместе и за плечами Плохиша – гитара. В общем – первые хлопцы на селе.

Выпили за тех, кто за колючкой и за Макса отдельно. Мы все – друзья.

– Ну что, Валера, пора начинать опять брать власть в свои руки в нашем районе, – начал я дипломатично.

– Эх, был бы сейчас Макс на воле, – вздохнул Плохиш.

– Макса нет, и он еще не скоро появится. Если появится, вообще. Так что собирай Валера опять всю нашу команду, – продолжил я собрание.

– Силенок у нас маловато. Я, было, сунулся в бар, но отгреб по полной. Этот Гришка и сам не дурак подраться, и банда вокруг него собралась приличная. Били меня сильно. Но есть и вторая проблема.

– Какая?

– Мамонт.

– Что это за мамонт такой?

– Понимаешь. Не так давно завелся здесь один штымп. Довольно мутный. Сразу же получил служебную квартиру. Мало того, что работает начальником жэка, и все к нему за подписью стоят (для нас начальник жэка тогда был, как президент Луны – так далек и могуществен), так он постепенно подмял под себя и всю левую жизнь района.

И сам под два метра, и люди у него все здоровые, как на подбор. Все бывшие десантники, причем только что мобилизованные. Мозги у них еще основательно промыты. Что командир прикажет, то и сделают. Каждые полгода появляются новые демобилизованные. У него дома постоянно человек десять толчется. Сразу же со-своей бандой занялся кидками. Уже братьев Косточек выставил на валюту, да еще имеет претензии к ним. Договорился с Недаманским-младшим на покупку партии джинсов и дубленок. Кинул и его. Кинул на последнее. И хоть бы глазом моргнул. Сидят себе в баре каждый вечер, как ни в чем ни бывало. Делят его напару с Цветом.

– Теперь и наших девок кинул, – вставил Плохиш.

– Каких девок?

– Да есть здесь в районе бригада проституток. Все наши – борщаговские. Работают с неграми и арабами из института ГВФ. Да ты многих знаешь.

– А ну давай, рассказывай, – я заволновался.

– Договорился с девками на большую партию американских сигарет. Только они и могут достать. Кинул и их. И уже пару раз его десантники пользовались их услугами и не расплатились, да еще побили двоих прилично. Девки просят помощи. К кому им, как не к нам, идти? Все нас помнят. Мы все же вместе росли. Мы их всегда защищали. Теперь и стыдно, как-то, что ничего сделать не можем, – объяснил мне уже Иванушка.

– А вот обижать наших девчонок мы им не дадим, – ответил я серьезно.

– Хорошо, Валера. Это наш город, это наш район, и мы его заберем обратно. И силы у нас есть. Собирай людей, и побыстрее. И с этим Мамонтом я тоже что-нибудь придумаю. Вот это уж точно. Разозлил он меня. А пока пойдемте, пацаны, я вам кое-что покажу.

Мы отправились на наш школьный двор и расположились на лавочке, с которой просматривалась вся территория вокруг. Я попросил ребят подождать. Через пятнадцать минут вернулся с сумкой в руках и передал ее Валере.

– Открывай. Смотри.

Валера достал из сумки два вороненных ствола ТТ и стал их с явным удовольствием вертеть. Он, как и всякий, даже бывший, военный, с благоговением относился к оружию.

– Патроны есть?

– Есть. Теперь ты понимаешь, что я не шучу? И это только начало. И скоро будут стволы посерьезней.

– Да, Макс меня предупреждал перед посадкой, что ты все организуешь.

– И вот еще что. Пора подумать о нашем семейном бизнесе. Не знаю, как у твоей, а у моей матери денег не хватает.

– Да у моей тоже.

– Если закрылась «толкучка», то это еще не повод закрывать наш домашний цех. Наоборот. Посмотри, какой ажиотаж вокруг вообще всей одежды. А джинсы? Это же светопреставление. Будем шить джинсы.

– А материал? А фурнитура? А лейбы? А нитки? А фасоны? А сбывать где? Да и машинки уже старые. Нужен промышленный аверлок. Хоть один – почесал за ухом Иванушка.

– Вот ты и ответил сам на свои вопросы. Нужно доставать. Собирай опять Котю и Лёпу – пусть подготовят свои предложения. Кто что может в данной ситуации. Лично у меня почти все в голове готово. Хочу послушать вас троих.

– Как успею все это? Еще и погулять надо.

Валера немного растерялся.

– Ты уж определись. Или гулять, или быть богатым, а пока хоть обеспеченным. Тогда и гуляется лучше. Хочешь гулять – гуляй. Мы с Виталиком сами начнем. Правда, Плохиш? – подмигнул я Виталику.

– А я в деле? – спрашивает Плохиш.

– Да куда уж без тебя, – отвечаю со смешком.

– Ну, по-моему, все. Расходимся. Времени тебе, Валера, неделя. Виталик поможет. Через неделю встречаемся опять в нашем, но временно захваченном баре. Про меня, естественно, не должна знать ни одна живая душа. Никто даже из ваших близких друзей.

– Само собой. Все будет в ажуре.

Глава 5

Моя Марина все никак не успокоится.

– К Наташе-то, когда пойдешь? – интересуется Маринка.

– Или опять к своей Светочке побежишь?

Я отмахнулся: какие уж тут Натальи и Светланы, когда – такое! Легкость, с которой упрятали Макса, говорила о том, что, в общем-то, все мы под статьей ходим, и что сажать нас станут, при возможности, вовсе не за те нарушения закона, в которых мы и в самом деле были виновны. Но Марина хотела услышать ответ.

– Да успокойся! Я же говорил тебе, что был у нее и все выяснил. Со Светкой уже все! Завязал.

– Вот когда увижу тебя с Наташкой, тогда и успокоюсь.

На самом деле я еще не знал, так ли это. Нет, особого желания видеть Светку у меня не было. Пусть себе выходит замуж. Да и необходимость кому-то что-то доказывать, вроде как, тоже, уже пропала. Но...

Но, по какой-то причине, желания «вот прям срочно» увидеть Наташу тоже не возникало. Может, это было связано с обрушившимися на меня новостями, а может, и нет: признаться, за все это время такой уж острой тоски по этой девушке я так и не испытал.

Сестрица моя – тот еще фрукт; и до моего ухода в армию, будучи совсем малявкой, могла так пробуревать взглядом, что – будь здоров! А за два года хоть и не выросла ростом, но еще поднаторела в этом деле; под ее взглядом мне стало совсем неуютно и я, вместо того, чтобы сообщить, что, в общем-то, и к Сабариной как-то охладел, и еще подумаю как в дальнейшем строить с ней отношения, произнес вслух совсем другое:

– Ну, Маришка, вот разгребусь.... Вот честно, просто не хочется ее своими проблемами грузить...

В конце концов, к Сабариной и в самом деле надо будет зайти, но у меня будет, по крайней мере, еще несколько дней, чтобы точно определиться, чего я хочу.

Впрочем, оказалось, что никаких нескольких дней у меня нет – Сабарина нашла меня сама.

Через пару дней заскочил ко мне домой посыльный от Мартына и сообщил, что Мартын ждет меня в его баре на семь.

Ровно в семь я был в баре на Гната Юры. За столиком, кроме Мартына, сидели и его друзья: Юра Ленин, с которым у меня как-то сразу сложились великолепные отношения, и Лукаш, раскачавшийся до громадных размеров так, что даже руки полностью не сгибались.

Высокий и такой здоровый, говорящий басом Вова Лукаш производил устрашающее впечатление на окружающих. При своем, прямо-таки, почти малолетнем возрасте, Вова – был признанным авторитетом в хулиганской среде на всей Борщаговке, да, пожалуй, и в городе. Лукаш постоянно качался, занимался новомодным тогда незнакомым нам каратэ и догуливал последние деньки перед уходом в десант. Там его уже ждали.

У Юры была набита стрелка с какими-то чуваками, которые очень нарывались на неприятности. Юра невысокого роста, с рыжей аккуратно постриженной бородкой и такой же лысиной, как и у Владимира Ильича, любимец всей публики в нашем районе. Чем он всех берет? Наверное, веселым, покладистым и совершенно беззлобным характером. Очень обстоятельный и справедливый. Но он тоже борец, и в обиду себя не даст. Лукаш с Мартыном с большим удовольствием согласились ему помочь.

Не успели мы обняться при встрече, как тут меня и накрыла Сабарина, появившаяся ниоткуда.

– Так. А ну-ка отойдем в сторону, мужчина, – совершенно не смущаясь такой представительной компании, заявила она и, не дожидаясь, встану я из-за стола или нет, пошла к выходу.

Мартын рассмеялся:

– Ты, Серый, разберись со своими бабами, наконец. А то из-за одной тебя все время били, а эта, похоже, сама сейчас побьет.

Мартыну-то весело – сам он с этим не заморачивается, у него что ни день, то новая пассия. А мне – неприятно. Разговаривать со мной таким тоном, да еще в присутствии пацанов...

Я пошел за Сабариной. Оказалось, она и не думала выходить из бара, а просто присела за столик около выхода. Чертова кукла! Теперь еще и говорить с ней придется вполголоса – вон, пацаны как уши навострили!

А что, стоит только раз облажаться – и никто со мной дел иметь не захочет. Что это, спрашивается, за партнер такой, которого баба под каблуком держит:

– Ну, и в чем дело? Сколько тебя можно ждать? – сразу без перехода начала недовольно Наташка.

Я, присаживаясь к ней за столик, пытался что-то промямлить, но в ответ услышал:

– Да знаю я, когда ты вернулся. Мне Марина все рассказала на следующий день.

Да, Мариша, сестрица любимая, удружила. Похоже, мою жизнь пытаются контролировать женщины.

– Ну, так, может, объяснишь? – недовольным тоном

продолжила Наташка.

Я смотрел на нее и удивлялся: из стройной, веселой, постоянно смеющейся девчонки она, всего-то за два года, превратилась во властную, всегда совершенно серьезную, довольно-таки укрупнившуюся злую тетку.

Интересно, Маринка-то сама на Сабарину внимательно смотрела? Или, как это часто бывает, встречая ее постоянно, просто не заметила произошедших перемен? Но как по мне – я сейчас будто разговаривал с другим человеком.

Мы еще и беседовать-то толком не начали, а разговор этот меня уже напрягал.

Вдруг кто-то коснулся моего плеча.

– Серега, мы сейчас смогаемся с Юркой, разберемся по-быстрому с этими чуваками. Здесь недалеко. Ты уж меня дождись. До свидания, Наташенька, – выдал Мартын тираду преувеличенно-веселым голосом, кланяясь и выходя из бара.

Мартыну отдубасить виновного гораздо интереснее, чем защитить невинного. Но что уж с ним сделаешь? Похоже, что он сразу же стал побаиваться Наташку. Впрочем, как и я. Что это случилось с нашими дамами за время нашего отсутствия?

А может, это с нами что-то случилось? Со мною – точно. Я еще целый год после освобождения чувствовал себя, как мешком прибитым, во время общения с женским полом. Как после рассказал мне Филин, нам подсыпали какую-то гадость в пищу в этой исправилровке, чтобы мы были тихие-тихие. Нашли подопытных кроликов, падлы...

Тогда я еще не знал о том, что со мной тоже что-то не так, а вот с Наташкой «не так» было определено. Она глядела на меня так, как будто собиралась загипнотизировать, а потом съест. Нет, меня такие отношения не слишком-то устраивают!

– Наташ, давай-ка мы с тобой позже встретимся... в более приватной обстановке, и все обсудим. А сейчас, как видишь, я немного занят. И перед ребятами неудобно, что я, вместо того, чтобы вопросы решать, занялся личными делами.

Сказал достаточно жестко; Сабарина выглядела недовольной, но немного притихла.

– Ладно... Но с Мартыном своим закругляйся побыстрее. А вечером я тебя жду. Только обязательно чтобы был!

Кокетство у нее получалось какое-то... унтер-офицерское. Однозначно – за эти семь-восемь минут она меня реально напрягла. Тут и Мартын возвратился:

– Юрка с Лукашом и сами справятся. Этих пацанов всего четыре человека. Ну, еще раз, здравствуй. Говори.

– Володя, разговор серьезный, так что пошли куда-нибудь, где поспокойней.

– Идем на Поселок на наше место. Там уж точно никто не подберется близко. Это же в двух шагах.

Через пятнадцать минут мы уже были на поселке Победа и удобно расположились на каком-то бревне с двумя бутылками «биомицина» в руках, как раз посередине заснеженной поляны, на нашем старом месте. Деревья и кусты вокруг сейчас стоят без листвы и на них, как-то неуклюже, взгромоздились целые снежные сугробы. С веток свисают и слабо позванивают причудливой формы прозрачные ледяные сосульки. Поляна переливается алмазным блеском снежинок и полна непредсказуемости и загадочности. Самое то место для разговора о начале большого пути.

– Мартын, пора за дело приниматься, – начал я сразу.

– Дай погулять немного, – недоволен Володя.

– Не дам. Сейчас самое время. Упустим шанс – потом тяжело догонять будет. Догуляешь во время работы.

– Уже есть шанс? Я готов.

Вот с кем решать дела просто: Миха и Мартын. Никого и ничего они не боятся. Всегда готовы выступить.

– У тебя сколько человек? – интересуюсь, – отморозки есть?

– В каком смысле отморозки? И зачем они тебе?

– Отморозки – это те, кем можно пожертвовать и кто, действительно, отморозок по жизни.

– Найдем. Уже появились в нашей жизни наркоманы. А людей у меня уже достаточно.

С Мартыном договорились, что через недельку он со-своими людьми, в полном составе, наезжает на барменов контролируемого заведения. Пока пусть всю неделю кто-то постоянно будет в баре, считают, сколько чего продается. Люди пусть меняются, чтобы не привлекать внимания, но пусть все подробно записывают. Я потом подобью итог и сообщу, сколько бармен здесь имеет левого заработка. Тогда и будем выставлять счет.

– А если ментам заявят, как было в «Пролиске»? – вопрошает Владимир.

– Вот для этого и нужны отморозки. Они и будут теперь приходить за деньгами. Но нужно сделать так, чтобы не заявили.

– Добро. Я готов, – только и ответим мне Мартын. Деловой человек.

Дома я устроил Маринке «разбор полетов».

– Драгоценная моя сестрица, не слишком ли много не себя берешь, а?

Сестренка сузила глаза:

– Мне просто осточертела эта канитель со Светкой! И если ты настолько тупой, что сам не понимаешь, то... Подрежут тебя из-за этой дуры! А она – обычная баба, ничем не отличающаяся от других. Вот и Юрэк так считает. Я ему фото показывала. Не нужна она тебе. Поэтому я и пошла сразу к Наташе. На всякий случай.

Произнесла все это она абсолютно безапелляционным тоном. Что, и Маришка моя, что ли, в такую вот Сабарину превратится?!

– Да не собирался я со Светкой снова мутить!

Надо заметить, я планировал заставить оправдываться сестричку, а получилось так, что оправдывался сам, причем довольно невнятно.

– Светка на горизонте опять замаячит, и ты не устоишь. Да нет, не перед ней самой, – отреагировала Маринка на мой возмущенный жест,

– А перед возможностью снова показать всем, что ты тут самый крутой. Тебе оно, может, и надо, а я устала за брата трястись! А Сабарина девица конкретная, если уж ухватит – своего не упустит.

Спорить с Маринкой как-то не тянуло. И ее я побаиваюсь, что ли? Ну, ладно, разберемся.

Отношения с Сабариной я возобновил, но шли они как-то ни шатко, ни валко: она меня реально напрягала, аж голова начинала болеть. Все разговоры только о шмотках. Больше ничего ее не интересует. Что с ней произошло?

То ли назло Сабариной, то ли – просто так, от общей моральной усталости, но я чуть не вляпался еще в одни отношения, на сей раз с Таней Картиной, одной из первых красавиц нашего класса. Таня – шатенка с карими глазами. Среднего роста, очень хороша собой. Никакого спорта за ней никогда не замечалось, но все было при ней – очень женственная фигура. Красивая деваха и всегда занята: то она с Максом, то с Лениным, то с Флягой...

Встретился я с ней совершенно случайно: мы столкнулись возле хвоста, вылезшей из дверей кинотеатра прямо на улицу, очереди, на ретроспективу французского кино, где она ошарашенно смотрела на это столпотворение.

Я был рад ее видеть: она всегда мне нравилась. Почему бы и не сходить с ней в кино? А потом можно повспоминать школьные деньки – благо, у кинотеатра имелось кафе, причем достаточно приличное. Успокоил Татьяну, объяснив, что в очереди ей стоять не придется – я с удовольствием приглашу ее на выбранный ею фильм.

Назавтра Танька зашла за мной, и, даже прежде, чем мы отправились в кино, огорошила меня покруче, чем Сабарина, предложив... жениться на ней.

Жениться?! Вот прям так взять – и жениться?! Это было даже не смешно.

Татьяна, конечно, барышня что надо, все при ней, не зря в классе она была на первых ролях, но, во-первых, я вообще жениться пока не собираюсь – ни на Таньке, ни на ком другом. А, во-вторых, ей-то это зачем? Ну, знакомы мы с ней давно, но – нельзя ведь сказать, что настолько хорошо, чтоб вот прямо семью строить.

Хоть ради приличия, какого-никакого предложила бы встречаться, так нет: сразу – жениться. Ничего не понимая, я попробовал отшутиться:

– Танюха, я вообще-то с Сабариной любовь кручу.

Ха, любовь – просто смех и слезы, но, чтобы съехать с темы, можно и так сказать. Татьяна в ответ на эту фразу весьма странно на меня посмотрела.

– А вот ты же с Максом встречалась, когда меня в исправилровку забирали?

Таня еще раз взглянула на меня внимательно и спокойно заявила:

– Ну, с Максом мы благополучно расстались. А встречался он, и очень серьезно, перед тем как сел... как раз с этой твоей Сабариной. Даже жениться собирался. Ты как себя после этого чувствуешь? Твой друг на зоне гниет, а ты с его невестой любовь крутишь!

Я поперхнулся коньяком и чуть не упал со стула. Вот даже как?

Конечно, в Танькиных словах можно было бы усомниться, особенно в свете ее предложения жениться на ней. Но я печенкой чувствовал: она не лжет. Ну, Сабарина! Да и я хорош... Сволочь та еще, поди, поищи такую паскуду...

– Ну, так мы в кино идем? – спокойно поинтересовалась Татьяна.

На душе было плохо, стыдно, но раз уж девушку пригласил, придется идти.

Фильм я посмотрел, но не запомнил даже названия. Что делать? Делать-то что?! Ума не приложу. Но съезжать с темы нужно немедленно. Потом с Максом разберемся. Может, пристроить Сабарину к коллективу каких-нибудь барыг?

По логике, надо было бы с ней отношения выяснить, но мне этого жутко не хотелось. Вспомнились Маринкины слова: «Сабарина если ухватит, своего не упустит». Да уж, спасибо, сестренка дорогая, удружила. Как мне теперь от нее отделаться-то?

Эх, я не только сволочь, но и свинья: стараюсь свалить вину на сестру. А что, найти кого-то виноватого в собственных ошибках – проще простого, все слабаки так всегда поступают. Только вот я – не слабак. По крайней мере, приложу все усилия, чтобы никогда им не быть. И ответственность за свои ошибки буду нести сам.

Через неделю я подсчитал, что бармен в баре, оккупированном Мартыном, имеет пятьсот в день и это по самым скромным подсчетам. Недовес, недовложение ингредиентов и, самое главное, подмена рецептуры дешевыми составляющими вместо дорогих. Воровство, другими словами.

Значит наша доля – двести: сорок процентов. А через десять дней, уже перед самым закрытием, в бар набилось полным-полно народу и что странно, то все молодые пацаны.

Бармен немного струхнул, но было уже поздно. Звонить ему никто никуда не позволил, а когда, очень даже быстро, был выпровожен последний посетитель, дело было в понедельник – самый спокойный день в неделе, то и приступили к переговорам. Бармену, а это был Марик, показали заряженные стволы, полученные у меня и обрезы из хозяйства Мартына. Спросили:

– Может нужно выстрелить в руку или там в ногу, чтобы убедиться, что это все настоящее?

Стрелять не понадобилось. Марик поверил коллективу на слово. Потом открыли принесенную с собой канистру и дали убедиться, что это бензин, которым, прямо сейчас, можно облить новенькие «Жигули», стоящие тут же возле входа, да и подпалить. Можно этот трюк проделать и со следующей машиной, которая будет куплена после уничтожения этой. Если, конечно, этого будет мало.

Разговор постепенно стал входить в конструктивное русло, и коллектив был отпущен. И долго еще сидел Марик с Мартыном и торговался за каждую копейку. В конце концов, договорились, что Марик каждый день будет платить сто. В баре будут постоянно дежурить люди Мартына и не давать приносить с собой спиртное, чтобы посетители покупали только у Марика коктейли. Ну и весь ассортимент, в придачу.

Справедливо. Конечно. И охрана целый день, когда Марик и его сменщик на работе. Кажется, Марик остался очень доволен заключенной сделкой потому, что имел он здесь больше, чем ему предъявили. Ударили по рукам, и Мартын строго-настрого предупредил бармена, что в случае заявления в милицию, он и его сменщик исчезнут навсегда. И неважно, сколько человек из наших при этом посадят.

– У нас людей хватает, – весело сказал Володя.

– Я все понял, – таков был ответ первого нашего клиента.

– Подменять меня, в случае чего, будет Ленин, – закончил беседу Мартын.

Пошло дело. Теперь бар на Потапова. Неожиданно для Иванушки, а для меня так естественно, Валера столкнулся с трудностями. Все, как один, кого он попытался собрать говорили буквально следующее:

– Валера, мы тебя очень уважаем, но вы разберитесь там с Лысым, кто у вас главный. А то мы уже который раз переходим от Макса к Лысому и обратно. Внесите ясность.

Я предложил Иванушке не торопиться.

– Зная Лысого, уверен, что он сам сейчас же нарисует. Он никогда не позволяет, чтобы вторгались в его парафию.

Так и случилось. Лысый не заставил себя долго ждать. Встретились в баре, вышли поговорить в парк. Обсудили проблему. Я без обиняков сказал, что собираю команду из наших уже серьезно и надолго на тех же условиях, что я предлагал и раньше.

– Согласились бы тогда с Максом на мои условия, сейчас бы были деньги его поддержать на зоне и уже занимались бы тем, чтобы его выкупить. А так, что делать? Придется ждать и собирать деньги, а Макс сидеть.

За все время моего выступления Лысый не проронил ни слова, и когда я замолк, то заговорил Иванушка:

– Володя. Я давно жду момента, чтобы начать войну и в любом случае дам ее пришельцам. Но если ты соберешься участвовать, то я согласен, что ты будешь старший. Ты авторитетней, чем я. Решай сейчас.

– Вместе будем рулить, – ответил Лысый, – и, обращаясь ко-мне, продолжил. – А не многовато ли половину прибыли в общак?

– Конечно, это не мало. Но, во-первых, это не мне в карман, а деньги общие, во-вторых, очень много проблем будет возникать по делу и их нужно будет быстро решать. Случай с Максимом не должен повториться. А, в-третьих, общак будет работать. Пока и не очень напряженно, но придет время, и он заработает на полную. И тогда все изменится кардинально, – услышали оба мое мнение.

– Сколько ждать этого времени? – угрюмо процедил Лысый.

– Придется подождать. Лет через десять и начнем, – отвечаю я уверенно.

– Ладно. Я не против. Кстати, Серый, ты давно обещал пробить кто у нас стукачек. Нашел его? Он очень будет нам мешать теперь, – надо сказать с удивлением услышал я от Вовки Лысого.

– А как же. Я его вычислил.

– Ну, говори, давай. Первым делом с него и начнем.

– Послушайте, пацаны. Отдайте его мне. Я придумал ему более удачное применение. Будет на нас теперь работать, – прошу я.

– Ну, хоть кто он? – подключился к разговору уже все понявший Валера.

– Не могу. Не потому, что не доверяю. Очень тонкое уж это дело. Можете спугнуть. Один буду вести стукача. А выгода скоро уже будет видна. С Мамонта и начнем, – закончил я прения.

Глава 6

На улице зима. Тогда еще были зимы. Целый день идет снег. В этот поздний час, когда наконец-то закрылся суперпопулярный бар на нашей улице, не видать, в обозримом пространстве, ни души.

Подвыпившая компания Гришки Цвета весело вывалилась на улицу. Они всегда – последние посетители, но сегодня без девок. Торопливо, приклатненной походкой, согнувшись и раскачиваясь в стороны и держа руки в карманах все шесть человек торопятся побыстрее добраться к Гришке домой да продолжить начатую в баре пьянку.

Тускло пробиваются отблески света молодого бледно-желтого месяца сквозь лохматые темные тучи, но толстый снежный ковер все равно блестит и переливается каким-то стальным, недобрый цвет. По ночам воздух особенно чистый и прозрачный. На раскинувшихся, как в полете, в разные стороны черных ветвях-руках деревьев удобно расположились огромные белоснежные завалы. Звезд совсем не видно. Хорошо было бы, если бы в это время выглянула Медведица, но и ее нет.

Компании предстоит пройти через парк, перейти по безлюдному мостику трамвайные пути и уже через второй, свой, близкий к дому парк, попасть на хавиру, иначе это жилище и не назовешь. Там хорошо, тепло, можно пьянствовать, отсыпаться. Но нужно пройти через наш парк. И почему бы не пройти? Кого здесь им бояться?

Первым идет Григорий. Руки в карманах, болоньевая синяя куртка всегда, даже в мороз, нараспашку. Дорожки в парке сегодня не чистили, и приходится идти гуськом по протоптанным тропинкам – один за другим. Поэтому кампания не замечает и двоих каких-то молодцов,двигающихся за ними. Парк миновали и теперь нужно пройти совсем небольшую дубовую рощицу. Не особо обращают свое внимание эти новые хозяева нашего бара на троих, сидящих на бетонном парапете общественной уборной, находящейся в этой самой рощице.

Не столько встревоженные, сколько заинтересованные «цветные», как они сами себя любили называть, поравнялись с сидящими. Наши не спеша поднялись, и подошедшие узнали в них Иванушку, которого они давеча сильно избили, Вовку Лысого, которого знали все в округе и Плохиша.

– Ну, здравствуй, Гриша, – услышали подошедшие от Иванушки.

– Вижу, что тебе мало дали. Лысого привел? Да насрать мне на твоего Лысого! И он сейчас отгребет. А тебе, Иванушка, теперь не жить.

– А ну, пацаны, мочи их, – выкрикнул Цвет, полуобернувшись к своим, выхватывая нож из кармана.

Трое из компании, было, резко рванулись за Гришкой, но увидев направленные на них два вороненных ствола в руках Лысого и Плохиша, сдали назад. Еще двое, вообще, развернулись, но сзади уже спокойно подошли Швед с Мэтром с обрезам в руках.

Между тем Цвет только и успел, как пару раз промазать, тыкая своим ножичком в Валеру. Тот уворачивался в разные стороны. Годы, проведенные в общевоинском училище, дали себя знать. Ножевым боем он владел отлично. Пару раз просвистел ножик Цвета и возле Иванушкиного лица, но все мимо. Гришка уже стал нервничать, это, все-таки, не коллективом одного мочить, размахнулся ножом и прыгнул на более мелкого Валеру. Прыгнул, да и наткнулся на Иванушкину финку. Все.

– Все справедливо? Претензии есть? – невозмутимо поинтересовался Лысый, обращаясь к оставшимся «цветным».

– Какие претензии? Все по делу. Волыны уберите.

– Значит так, – начал Лысый, – Плохиш, запомни всех, кто здесь.

– Я и так всех знаю, – рассмеялся Плохиш.

– Смотрите, пацаны, – продолжал Лысый. – Если информация об этом вечере просочится хоть куда, про ментов я вообще молчу, то и разбираться не будем. Завалим всех. Меня все правильно поняли?

– Чего здесь не понять. Все яснее ясного, – загудели оставшиеся пять.

– Что с Гришкой-то делать?

– Не волнуйтесь. О нем позаботятся, – ответил Лысый и взмахнул рукой.

Сразу же в его сторону тронулось такси, стоявшее с потушенными фарами неподалеку под мостом и на которое никто и внимания, раньше не обратил.

– Ну, все, пацаны. Нечего вам лишнее видеть. Мы с вами договорились.

Компания угрюмо двинулась в сторону мостика, но подниматься, почему-то, не стали. Они видели, как к месту драки подъехала «Волга»-такси, как погрузили Гришку в багажник, и машина сразу же отъехала мимо них в сторону выезда из Борщаговки. Номеров, конечно, не было видно.

Еще пару минут пятерка о чем-то посовещалась и от них отделился один, видимо самый авторитетный, и вернулся к нашим, собиравшим в полиэтиленовые пакеты окровавленный снег с места событий.

– Володя, – обратился он к Лысому, как будто с Цветом ничего и не произошло. – Мы хотели бы работать с вами. Команда у вас, видим, серьезная.

– Иванушка здесь будет старший. Но у нас теперь в баре бухать нельзя, – процедил сквозь зубы Лысый.

– А что же там делать? – удивился подошедший старший Клещ.

– Теперь деньги будем там зарабатывать, – ответил Валера. – -

– Если серьезно решили, то завтра в семь в баре. Будем разговаривать.

Договорились быстро. Все «цветные» примкнули к Иванушке. Примкнули к нему и Дрыслик с братом, примкнули и авторитетные три брата Коржа. Только вот втроем они никогда не собирались. Кто-нибудь из них постоянно сидел.

Этим вечером Мамонт со своими десанниками, как обычно, расположились за своим, забронированным ими навечно, столиком у окна в баре на Потапова. За этот стол никогда никто, кроме них, не садился. Были и мы в расширенном составе и за столами, и за стойкой бара. Вот уже неделю, каждый вечер, мы толчемся в баре. Считаем.

Не успел Мамонт присесть за стол, как к нему подскочил один из завсегдатаев, коих в баре было множество.

– Виктор Леонидович, – обратился он к Мамонту, – видите тех двоих за стойкой? Они предлагали бармену купить партию валюты. Я сам слышал.

– Бармен взял? – заволновался Мамонт.

– Пока нет, но заинтересовался. Видимо возьмет-таки в конце смены.

– А ну давай их сюда. И если это правда, то закажи себе коньяку. Скажешь бармену, что я сегодня плачу за тебя, – уже успокоился Витя Леонидович.

Ребята подошли, присели за столик. Торговались долго. Продавцы оказались опытны и не робкого десятка. Валюту только показали, но не выпускали из рук, пока к ним не перекощет вся причитающаяся сумма. Один из десантников сбегал домой к Мамонту и донес недостающие рубли. Потом рядом за столом как-то из ничего возникла драка. Бар заволновался. Мамонт со-словами:

– Ну, давайте быстрее. Сейчас милиция прибежит, – сунул продавцам, конечно же, куклу.

Продавцы и покупатели быстро встали и вышли из бара каждый в свою сторону. Продавцы поступили нестандартно: разбежались в разные стороны, но как-то получилось, что тут же собрались в соседнем дворе, где их ждала «Волга»-такси. Больше в баре их никто никогда не видел.

Тяжелее пришлось команде Мамонта. Почти сразу же по выходу, едва они завернули за угол, их окружили люди в штатском и предложили проехать вместе с ними. Тут недалеко. Компания Мамонта оказала сопротивление, но тут же было применено оружие и их задержали.

Мамонт, у которого была обнаружена одна тысяча долларов, получил восемь лет. Нашлись свидетели, видевшие, как он скупает в баре валюту чуть ли не миллионами. Больше в этом баре он не появлялся. Служебную квартиру вернули в собственность государства. Сколько получили, и получили ли его охранявшие десантники, никто не знает. Все они были люди не местные и никому не интересные.

Правда, оставшиеся в городе «мамонтовцы», буквально на следующий день, ворвались в бар с целью отомстить за предводителя, но их уже ждали в баре и на улице в парке, где и происходили все местные драки. Всех выволокли из бара, долго били палками.

Потом мамонтовскую команду притащили в парк рядом через дорогу и бросили прямо на том месте, где совсем недавно лежал подрезанный Гришка Цвет. По одному каждому пришельцу давали подсрачник и сталкивали по лестнице вниз в общественный туалет, загаженный нечистотами, где и оставили на их собственное усмотрение. Больше ни одного из еще недавно могущественной банды никто никогда в баре, да и в Киеве, не видел.

После всех вышеизложенных событий на этом месте еще какое-то время отчетливо была видна засохшая лужа крови, напоминавшая всем несогласным, что не следует шутить с нашей борщоговской братией.

Мне эта операция обошлась в те же тысячу долларов. Довольно приличные, кстати, деньги на то время. Но чем не пожертвуешь ради справедливости. Это была первая обкатка использования стукача.

Информация о том, что ожидается продажа валюты в баре, к нему поступила заранее. Поступила окольными, разработанными мною путями. Ждали удар на воскресенье, но я, в последний момент, всю операцию перенес на пятницу для того, чтобы продавцы не попали в засаду. Не могли же наши доблестные органы держать засаду долго в месте, где все всех знают. Примелькались бы. Поэтому ждали сигнала от стукача. Этого товарища пришлось поить в баре целую неделю, чтобы он был при делах. Он еле успел выскочить на улицу и позвонить из телефона-автомата. Органы не подвели.

Правда, продавцов не успели взять. Но ничего, возьмут в следующий раз. Система же работает. Молодцы. Валютные операции – очень серьезное преступление. Гунько стал начальником угро района. Довольны остались все. Ну, кроме Мамонта, конечно.

Переговоры с Витей-барменом на Потапова были конструктивны и прошли в дружественной обстановке. Витя давно уже все понял и только ждал, когда наступит его очередь. Его очередь наступила на следующий день после вышвыривания остатков мамонтовской группировки из нашего бара.

Бармену, а он работал один без выходных, как Павка Корчагин, предъявили составленную мною калькуляцию. Сообщили, что эти расчеты далеко не точные и, причем, в его пользу. Сначала решили, что платить будет по двести в день, но, учитывая то, что это все-таки наша база и нами будут заниматься кое-какие места, то остановились на сотне. Еще нами закупался коньяк, который стоял у бармена и пили все наши за наш счет.

Пока приводили бар в порядок, намучились изрядно. В день проходило до десятка драк. Наконец все клиенты уяснили, что приходить в бар со своими напитками строго воспрещается. Хочешь отдыхать в западной обстановке – будь добр и себе и своей подружке заказывай у бармена коктейли или другие напитки.

До этого единственное место в Киеве, где практически свободно продавались американские сигареты за рубли, был бар «Молодежный». Теперь к нему прибавился и наш бар. Наши

девочки, которых мы не дали обижать мамонтовцам, старались всюю. Только они могли тогда снабжать такую махину этим товаром в больших количествах.

Теперь «Чебуречная». На удивление, с ней провозились намного дольше, хотя это был самый маленький, из всех четырех, бар. На смене стоял также один – Купа. Он и похож был на какую-то купу или кучу. Рядом с ним за стойкой, на вертящемся стуле, всегда сидел огромный детина.

В один из вечеров в баре, как всегда, было многолюдно. В бар вошел Толик Викторчик – совершенно отвязный прибалтанный тип из нашего двора. Любил корчить рожи и пугать так противников, но если этого было мало, то сразу же, и всегда первый, вступал в драку. И хоть он был обычного среднего роста и не спортсмен, но драться он умел и любил. Особо никого не боялся, но соблюдал бандитскую субординацию и против Лысого никогда не шел. При некоторой придурковатости, перед многими имел неоспоримые преимущества – Викторчик был лучшим барабанщиком из всех мне известных. Его приглашали к себе играть и Лысый, и Макс, и Траф, возможно, и другие.

Виктора заказал сто коньку, выпил заказанное залпом и, не расплатившись, как ни в чем не бывало, надвинув блатную кепку на глаза, быстро вышел. Толик двинулся в сторону пустыря прибалтанный походкой, держа руки в карманах, раскачиваясь в стороны и напевая что-то из репертуара Аркаши Северного. Купа ахнул, растолкал детину, прикорнувшего прямо за стойкой и, оставив вместо себя какого-то родственника или знакомого, коих в таких местах всегда предостаточно, вместе с детинкой выскочил из бара вслед за Викторчиком. В руках Купа держал самую настоящую битку, как в кино про гангстеров из Америки. Где он ее достал в то еще советское время, неизвестно.

Викторчика догнали уже на пустыре через дорогу. Толик не очень и спешил, хотя передвигался довольно резво. Хотели бить, но тут, как-то неожиданно, всех участников конфликта окружили люди, недавно выкупленного из дисбата собственными родителями Михи. В пылу погони Купа вместе с охранником не заметили эту компанию, курившую в тени забора, поставленного здесь неизвестно зачем.

Как и положено в таких делах, этих двоих оттеснили одного от другого. У Купы забрали битку и надавали ладошкой по мордам, после того как он вздумал грозить своими связями. Надо заметить, что для мужчины довольно унижительно получать ладошкой по морде. Здоровяку предложили: или работать в нашей команде, или убираться восвояси. Его и не били, понимая, что он, вроде бы, на работе.

Тут же Купе выставили довольно приемлемые условия. Пятьдесят в день. Озвучить свое решение предложили на этом самом месте завтра. Никто и не думал, что этот жлоб согласится, но с чего-то нужно было начинать.

На следующий вечер на этом самом месте опять стояла не очень и большая компания Михалю. Был темный, зимний, морозный вечер. Борщаговка и так не изобилует уличным освещением, а тут пустырь. Понятно, что было довольно-таки темно, и местность освещалась только серебристым светом красавицы луны, но людей было видно.

Из-за угла забора, очень быстро, вышло с десятков очень крепких парней. Как потом оказалось, регбистов. Все – с битками. Компания очень решительно молча приближалась. Не было слышно ничего, кроме резковатого скрипа снега под ногами. Вот два коллектива сблизилась...

Вы хотели драки? Мы ее вам дадим.

Из-за забора начали выскакивать еще пацаны с палками в руках. Спереди и сзади из мрака показались и очень быстро прибыли к месту еще пару десятков пацанов, держащих крепкие палки наперевес. Наши враги оглянулись в последнюю спасительную сторону, но и оттуда уже бежала толпа. И тоже с палками.

Прибывшие на разборы с нами спортсмены очень засомневались, а смогут ли они выйти живыми из этой переделки, и тот вчерашний здоровяк крикнул:

– Кто из вас старший? Чего вы хотите?

Вперед выступил Миха в окружении Вороны и Калины:

– Еще вчера ты мог попасть к нам. Сегодня уже поздно. Если хотите остаться в живых, то сейчас же бросайте свои биты в центр круга и уходите спокойно. Мы к вам ничего не имеем, но это наш район. Это наш город. Уйдете спокойно, сможете заглянуть в тепер уже нашу «Чебуречную» и выпить за мой счет. Я позже зайду и рассчитаюсь с барменом. Если нет, тогда вы все тут и ляжете. Считаю до одного. Один...

Тут же в центр круга полетели все десять бит. Где они их берут? Биты быстро собрали наши пацаны и незаметно растворились в морозном пространстве. Так же, как быстро возникло, так и быстро разбежалось окружение пришедших. Было понятно, что это очень организованная команда.

На месте встречи остались десять регбистов и ветер, уныло ревуший и разгоняющий тяжелые свинцовые тучи по небу. Регбисты, вполне себе довольные, выпили в баре за наш счет и мирно разъехались по своим домам и районам, чтобы завтра с новыми силами приступить к тренировкам.

А в конце смены в бар вошла неразлучная тройца: Миха, Калина и Ворона. Последнего посетителя выпроводили. Трясущегося бармена усадили за столик вместе с пришедшими и объявили:

– Тебя предупреждали. Вчера было пятьдесят. Сегодня уже сто. Если еще раз повторится такая заморочка, как сегодня, то тебе не жить. И деньги, которые ты здесь гребешь лопатой, махлюя направо и налево, не понадобятся.

– Больше этого не повторится, – был ответ облегченно

вздыхнувшего Купы. – А сигаретами можно торговать? Вы поможете с поставками?

К проведению этой многолюдной операции пришлось привлечь всех Михиных людей. Вокруг него сплотились все нивковские, сырецкие и на этот раз, примкнувшие к ним святошинские, а Калина привел отраденских.

Координировали операцию Иванушка с Лысым, знающие здесь каждый закоулок. Важно было продемонстрировать многолюдность, чтобы другим впредь неповадно было. Слухи быстро распространяются в мире спорта и спирта. Теперь многие потенциальные нападающие задумаются, а стоит ли ехать, да еще с разборками, на эту далекую Борщаговку, где так легко можно получить палкой по голове в любое время?

Ну, теперь самое время заняться «Молодежным». Это самый большой, самый популярный в городе бар. А, значит, и самый прибыльный, но и самый проблемный. Уж очень он у всех на виду.

Для удобства Иванушка с Лысым разделили команду. У Валеры остались люди, живущие вокруг нашего бара на Потапова, Сосниных. Володя собрал своих из Золотоворотского садика и всех, кто живет поближе к «Молодежному». Еще, для психологической совместимости, люди рассредоточились по интересам и взаимным привязанностям. Чтобы было комфортно вместе общаться. И хоть действовали они с Иванушкой автономно, но когда было нужно, то собирали силы вместе. На все, про все ушло несколько месяцев. А пока... Что у нас на Смоленском направлении?

Глава 7

В той нашей стране особенно и заняться в свободное время нечем. А занять население от всяких там несоветских дум, которые все сильнее и сильнее начали проникать к нам из-за, якобы, железного занавеса, нужно.

Хотя, для кого он железный, а для кого и не особенно. Сначала поехали за рубеж дипломаты, потом всякие футболисты. Повалили всевозможные артисты всех мастей. Начиная от народных, начавших плодиться с неимоверной скоростью, и заканчивая целыми академическими классическими театрами. Вот только авангардных не было.

Поехали хоккеисты, баскетболисты, гандболисты, боксеры, борцы. Поехали комсомольские и партийные активисты и члены их семей. Поехали писатели с художниками и артистами... Поехала вся братия, обслуживающая политический строй в стране. И хотя все эти бездельники жили здесь, как у Христа за пазухой, но все, как один, возвращаясь, несли лабуду несусветную о том, как там жить хорошо.

– Где там?

– Да везде! Только не тут.

И население стало волноваться.

– Как так? А нам говорят по телевизору, что там люди только и делают что бастуют, а в свободное от забастовок время, работы-то ни у кого нет, по мусорным бакам роются, да ночуют под мостами.

Особенно изумительно выглядел однотипный рассказ, больше похожий на анекдот некоторых, приехавших из-за границы:

На мой вопрос:

– Когда у вас появляется первая клубника?

Допустим, израильтяне отвечают:

– В семь утра.

Это, вместе с рассказами о том, что в магазинах продается сто видов колбасы, воспринималось как ненаучная фантастика. Не все верили. А кто верил, те заволновались сильнее.

Что с ними делать? На дворе не тридцать седьмой же год. Шесть соток под дачные участки уже всем желающим раздали. Копаются там, на грядках, кто поспокойней. Остальные, все равно, волнуются. Заграничные поездки им подавай.

Ну, за границей всем нечего делать. На то она и заграница, чтобы там бывали только самые-самые избранные. Решили запустить всех в поездки по родной стране. Благо дело, смотреть там было – не пересмотреть. За всю жизнь не управиться. И, надо заметить, очень интересно.

Пошли по стране целые поезда. «Дружба» назывались. На одном таком поезде из Смоленска прибыли в Киев на три дня братья Дьяковы – жители знаменитой улицы Краснофлотской.

Одного, двадцатилетнего, мы уже знаем. За время нахождения на свободе, он набрал вес, раскачался, и при его высоком росте, имел насколько устрашающую внешность.

Достигал он этого эффекта тем, что всегда был пострижен наголо. В то время длинных волос так выглядели только что освободившиеся из зоны уголовники. Больше – никто. Добавляло устрашения и постоянно угрюмое выражение лица, хотя Дьяк был добродушным парнем. Конечно, для тех, кто его хорошо знал.

Второй – старший брат, дважды судимый за драку, внешне особо ничем не выделялся. Среднего роста, широкоплечий, с раскосыми татарскими глазами каких-то темных цветов, черноволосый, короткая прическа. На лице привлекал внимание только полный нос с горбинкой и квадратные скулы, ну и глаза – очень наглые глаза, всегда смотрящие в глаза собеседнику.

Мало того, что они внешне не похожи – младший больше европеец, старший азиат, так и совершенно отличны друг от друга в своей внутренней организации. Младший все время молчит, старший – сыплет анекдотами. Младший думает, старший действует. Правда, подраться любят оба.

Первым делом, как водится, выпили-закусили еще в поезде. После завтрака все туристы ломанулись смотреть достопримечательности, коих в городе предостаточно. А наших братьев разморило, и они улеглись прикорнуть часок-другой.

Проспавшись, отправились, для начала, в известнейший летний ресторан «Кукушка», что на Петровской аллее, названной так в честь победы царя Петра над шведами под Полтавой. Позже аллею почему-то переименовали в Парковую.

Еще в позапрошлом столетии это была глухая и заброшенная окраина Царского сада, расположенного выше. Место представляло собой глубокие яры, заросшие деревьями и кустарником, и называлось в народе «Кукушкина дача».

Может, там, на деревьях было много кукушек, а дачами тогда называли вообще всякие обжитые в лесах места. Но и киевских босяков, да и всякого криминального люда там всегда было предостаточно. И жило все это сообщество в землянках с замаскированными входами, да в шалашах, и главарь у них был Кукушка. Вечером выходили на разбой, а после дела тут же и пьянствовали. В общем, жили, как на даче. С завидным постоянством, каждый год полиция, а потом и милиция, устраивали на них облавы, да все бестолку.

И только в 50-х годах прошлого века наше киевское начальство решило продолжить городскую традицию пьянства на природе и открыть здесь несколько забегаловок. И, надо заметить, не ошиблось в своем выборе знаменитого места. Самая популярная точка – ресторан «Кукушка» в летние и весенние месяцы всегда был забит до отказа. Такое впечатление, что здесь сидит весь город. Кого ни спросишь:

– Где вечером сидите?

– На «Кукуне», – всегда один и тот же ответ.

Закупался портфель водки, и вся компания или друзей, или бригада часовщиков из любого Дома быта, или половина лаборатории какого-нибудь НИИ после работы, или группа приезжих отдыхали и резвились до двенадцати ночи.

Ну, а под конец – обязательная драка. Уже к десяти вечера сюда съезжались менты на «бобиках» из Печерского райотдела, терпеливо ждали начала драки, и успешно всех дерущихся принимали.

Но наши братья драки ждать не стали. Снова выпили-закусили под «Губит людей не пиво, губит людей вода», и отправились на известную киевскую танцплощадку «Жаба», расположенную в «Пионерском парке», рядом.

Почему вдруг «Жаба»? Кто не понимает Киев, тот думает, что из-за того, что она по форме, вроде бы, напоминает жабу. Как по мне, то не очень. Танцплощадка расположена в двух шагах от киевского блатного района Подол. И половина посетителей на ней всегда оттуда. На Подоле все поголовно разговаривают на своем особом языке – смесь фени с одесско-призововским наречием. А как на фене танцплощадка? Правильно – жаба!

«Жаба» расположена в том месте, где Парковая аллея, петляя, спускается вниз к Днепру, выходя прямо на Пешеходный мост. Деревья только что распустили свои листочки. Вся аллея утопает в ярких оттенках зелени.

Не успела отцвести черемуха, сводя с ума многочисленные парочки, расположившиеся на лавочках вокруг танцплощадки, как уже белой акации гроздь душистые свисают прямо на дорожку. Весь май стоит просто фантастический аромат вокруг. А ведь совсем недавно цвела еще разноцветная киевская сирень. Запах и черемухи, и акации, и сирени до сих пор переливается всеми цветами и оттенками вдоль серебристо-стального отливающего голубизной красавца Днепра и плывет вместе с неторопливым течением и будоражит душу.

Краснофлотская сродни одесской Молдаванке или киевскому Подолу и поэтому на «Жабе» двое братьев, не растерялись. Сразу же закадрировали двух гагар и, долго не думая, отправились к ним в гости.

Барышни, тоже сестры, но двоюродные. Живут на Совских прудах. У каждой по частному дому и дома у них стоят рядом. Один чуть выше другого. Между ними и забора-то нет. Местность холмистая. Одни яры, сплошь заросшие деревьями, всевозможными кустами, громадными лопухами и довольно высокой пыльной темно-зеленой крапивой. Хоть голышом бегай – никто не разглядит. Хорошее знакомство. Очень.

Всю ночь пили, пели, веселились, закусывали, а весь следующий день отсыпались, не забыв с утра опохмелиться. Но к вечеру братья засобирались по какому-то очень важному делу, обещая вернуться к утру.

После того как у Гунько забарахлил мотор в новом «жигулёнке», офицер не стал тужить и купил себе «Волгу». Странно. При такой-зарплате-то. Но кто будет проверять замначальника уголовного розыска? Тем более что и сами с усами.

Неумолимо наступало новое время. Вот с гаражами были проблемы. Хочешь-не хочешь, а приходилось, пока еще, оставлять машину возле подъезда. Но ничего. Скоро уже можно будет установить железный гараж где-нибудь рядом с домом.

Во дворе фонари особенно и не светят. Сиротливо стоит одна одинёшинька черная машина невдалеке от мусорника. Неизвестно откуда появились два каких-то молодых человека. Быстро нырнули в мусорник, открыв замок обычным ключом, и вышли оттуда уже с двадцатилитровой канистрой бензина в руках. Замок закрыли. Почти весь бензин из канистры, не спеша, но и особенно не торопясь, вылили на несчастную машину. Остаток бензина разлили, сделав приличную бензиновую дорожку, а пустую канистру положили сверху на кузов автомобиля. Один уже свернул за угол, а второй, подождав пока скроется его товарищ, подпалил дорожку и юркнул за угол вслед за первым.

Далее братья, по одному, чтобы не быть так заметны, через дворы, очень даже быстро, вышли к, не много не мало, Святому лесу. В лесу они не растерялись, а живенько начали продвигаться в одну только им известную сторону, не забывая посыпать за собой тропинку какой-то дрянью в виде смеси табака и никому, кроме них, не известных растений. Такое впечатление, что они уже побывали в этих местах и провели подробную рекогносцировку местности.

Долго ли коротко продвигались они по лесу, но, наконец, вышли на пустынный рабочий поселок, состоящий из одной единственной улицы, на которой разместились несколько неказистых двухэтажных домов, построенных еще немецкими военнопленными сразу после войны.

Улица была пустыня. Ни одного фонаря не наблюдалось. Но, что очень странно, буквально возле леса на самом конце улицы, стояла себе пустая «Волга»-такси с потушенными фарами и с Калиной за рулем. Братья быстро вымыли руки с мылом. Оставшуюся воду из канистры вылили тут же, а пустую пластмассовую канистру забросили обратно в багажник. Кусок мыла выбросили в ближайшую урну. Машина рванула с места, выехала на Окружную дорогу и понеслась, удаляясь от Борщаговки все дальше и дальше.

Домой в Смоленск два брата вернулись с двумя ТТ в дорожной сумке.

А в это время вокруг пожара разгорелась нешуточная работа. Была вызвана собачка, которая умело довела сыщиков до леса и там стыдливо заскулила. Но ничего, тоже польза. Значит, враги где-то там рыскают по лесу.

Но, все равно, были подняты по тревоге сотрудники райотдела и участковые, которые пошли по квартирам всех им знакомых хулиганов, бандитов и вообще ненадежных и подозрительных жителей Борщаговки. В квартиры звонили, заходили и нюхали носильные вещи подо-

зреваемых, после чего быстро уходили. Все были дома и ни у кого на вещах запаха бензина не наблюдалось. Рыскали всем миром и наконец – удача!

В дверь нашей квартиры позвонили. Когда ошарашенные родители впустили участкового и какого-то опера, а это был Гордиенко, то меня дома и не обнаружили. Горячо! На вопрос: «Где ваш сын?» родители ответили, что уехал в гости к товарищу по местам боевой славы. Оперативник, уже предвкушая удачу, выразил уверенность:

– И, конечно, адреса, куда уехал ваш сын, вы не знаете?

Они не знали. Уже жарко. Но тут проснулась моя сестра и сообщила, что вот она, как раз-то, и знает. Когда я

уезжал, то сказал ей:

– Могу загулять и если понадобится кому-то срочно, то вот адрес друга, – а это был Филин, – у которого я остановлюсь.

Ну, конечно, всем понятно, что это неуклюжие отговорки. В общем, почти поймали.

– Вывернется, сволочь, – сказал Гунько, когда ему доложили об удаче. – Давайте звоните в эту тьмутаракань, пусть пошлют участкового по этому адресу. Пусть убедится, что его там нет, и составит протокол. Вот тогда мы этого гада и прищучим.

Тогда милицейская машина работала четко и слаженно. Глубокой ночью в дверь Филина позвонили. Толик открыл, как был, в кителе прапорщика на голое тело, и увидел милицейский наряд из трех человек.

– Что надо, мужики?

– Разрешите войти? Нам срочно нужно составить протокол.

– Ну, входите, если надо. Проходите в комнату. Выпить хотите?

Они хотели, но стеснялись. В комнате, кроме Филина, они обнаружили меня и двух девок. Пьянка-гулянка шла всю ночь и даже не собиралась закругляться. После того как у меня очень внимательно проверили документы и проездные билеты, которые я, почему-то, не выбросил по прибытии, самый младший приступил к составлению протокола о моем наличии, а двое других выпили с нами по маленькой. Меня спросили:

– Что за сыр-бор? Почему тебя так усиленно ищут?

– А я знаю? Местные менты давно на меня зуб имеют. Когда-то отец моего товарища устроил их начальнику понижение в должности. Вот и мстят. Товарища подставили, а меня все никак не подставят.

«Подставили, подставляют». Ведь немисливо слышать от советского человека такое. Это родные-то органы правопорядка? Но старший меня не одергивал, надеялся выпытать у пьянького военную тайну, которую он точно знает, раз его по всей стране разыскивают.

– А что там случилось? – Продолжал дурковать я.

– Не знаем. Кто-то что там натворил. Какая-то диверсия или поджог. Думали, что ты. А ты здесь.

– А, если диверсия, то это друзья Мамонта мстят начальнику, – выговорил я заплетающимся языком.

– Какие друзья, какого Мамонта? – Оживились мои новые собутыльники.

– Да посадил начальник одного там местного авторитета. Какое-то тухлое дело. Я толком и не знаю. А у него целая банда была. Вот, скорее всего, и мстят, – уже совсем пьяный выдавил я из себя.

Ну, все. Протокол составлен. От меня пьяного все равно уже никого толку. Выпили еще на дорожку, извинились и в путь. Наряд, особенно старший, были очень довольны. Во-первых, выпили на шару, а, во-вторых, вроде бы, раскрыли серьезное преступление. Раскололи пьяного разыскиваемого. Может еще и наградят. Ну, а я, вместе с веселой компанией, продолжил пьянку, прерывающуюся игрой на гитаре и прочими развлечениями.

Собравшихся прямо с утра в кабинете Гунько оперативников, очень устроила такая версия про месть банды Мамонта. Все живо обсуждали варианты, как можно накрыть подозреваемых. И только один Гунько молча смотрел на всех, как на умалишенных. Он уже все понял.

Обратно я отправился уже на пару с прапорщиком Сухим. Правда, он поехал на поезде, а я пошел на скоростном катере «Метеор» по реке. Да оно и понятно – назад мы везли еще два ТТ.

Рисковать мне нельзя, и нам срочно нужны эти волюны, а Сухому – деньги. Так что пришлось ему брать разрешение и собираться вместе со мной в дорогу. Моя поездка получилась очень плодотворной. Во-первых, волюны, а, во-вторых, Филин за это время успел сойтись с начальником штаба этой исправилки. Договорились, и за небольшие-таки деньги, что Сухой получит направление в интересующее нас военное училище. Возраст ему еще поступать позволял.

– Да как же я поступлю? – все волновался мой подопечный.

– Очень просто. Возьмешь и поступишь, – только и отвечал я ему, не раскрывая всей этой военной тайны.

А дело было так. Мой одноклассник Святой, будучи старше всех нас на целых полтора года, и по этой причине слывший опытным ловеласом, серьезно встречался с очень расположенной в плане брака с ним девицей из нашего же класса. Марина не желала проживать дальнейшую свою жизнь в этом, иначе, честно говоря, нашу Борщаговку и не назовешь, гетто. Не хотела она в дальнейшем бедствовать и жить от зарплаты до аванса.

Но Святой подвел – учиться дальше после окончания школы отказался. И его участь была решена. Марина вышла замуж за очень перспективного молодого человека с прямыми связями в Москве. Такого перспективного, что ему было обещано беспрепятственное поступление, со временем, в Военную академию Генерального штаба, а, стало быть, и генеральское звание. Выйти-то она вышла по любви, а осадок, все равно, остался. Первая любовь – она же не ржавеет.

Как бы там ни было, но когда мы обратились к ней за помощью, то Марина не подвела. Мужа она уломала, он уломал родственника, ну, а мы не подвели в части финансирования. Кому нужно, было обещано, что нужно и впоследствии выплачено. По наглости мы просились в Ленинград, но удалось протиснуться в Саратовскую область. То же дело. Тем более, что специализация для нас там еще лучше.

Вот сегодня мы и отмечаем состоявшуюся договоренность. Я огорошил Сухого этим известием только по приезду в Киев. Для пущего эффекта.

С самого утра мы всей компанией засели в «Колыбу» на Гидропарке. Приехавший ненадолго в отпуск Юрка Спидола с удовольствием присоединился к нам.

Время нахождения его в геологической экспедиции сделало из Спидолы настоящего, так и хочется сказать – морского, нет – лесного, таежного волка. Кожа на лице огрубела. И зимой, и летом – светло кофейного цвета. Вдоль левой щеки, начиная от самого виска, минуя глаз и до самой скулы, извивается, как упругая змея, расширяясь на щеке и сужаясь внизу, страшноватый шрам.

При его худобе, руки просто огромной силы. Движения – резки и стремительны. Заводится, даже не с пол, а с четверть оборота. А глаза – светлые и добрые. Но вот в глаза ему решаются смотреть только те, кто очень хорошо, как я, его знают.

Начальник геологической партии, в которой есть и бывшие и будущие зэки, и крутые местные егеря, и охотники, и интеллектуалы, и романтики из больших городов. Всякие здесь, да и в лесах полно того еще люда, которому есть отчего скрываться в таежной чаще. И со всем этим коллективом настоящих мужчин Спидоле нужно уметь находить общий язык и держать всех в повиновении и под полным контролем.

Мало кто с такой задачей справляется, несмотря даже на «стечкин» висящий постоянно на поясе. Здесь одной волей не поможешь. Нужна железная воля, несгибаемый характер и обостренное чувство справедливости. Все это у Спидолы имеется.

Как-то незаметно, как всегда бывает на таких мероприятиях, в нашу компанию затесалась очень симпатичная девушка Виктория. Такая же статная и веселая, как когда-то Сабарина. Большие зеленые глаза Виктории блестели радостным ярким блеском, когда она весело смеялась. Высокая натуральная блондинка привлекала внимание почти всей мужской части посетителей «Колыбы», но присоединилась интуитивно, как она сама потом выразилась, именно к нам. Мы не подвели. Увидав троих джентльменов, да среди них такого бравого, как все вояки, будущего офицера тыла она совершенно не растерялась и ничуть не испугалась неизвестности.

Сухой гусарил вовсю. В ход пошло и выпивание стакана водки, держа стакан одними зубами, и манерность кавалера, и невесть откуда взявшаяся гитара, и стихи Есенина, и шампанское, конфеты, и вишневым ликер для дамы. Уже и я хотел прочесть Есенина, но, посмотрев на Сухого, ограничился Маяковским:

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

Естественно, была и драка, с которой мы справились легко.

Потом поехали в наш бар на Потапова. Все были веселы и очень галантны с дамой. И когда у Вики сломалась увесистая золотая дорогая сережка, она без колебаний оставила ее нам, чтобы мы подчинили серьгу в «Ремточмеханике», так как она сегодня же поздно вечером уезжала в Тирасполь, где служил ее отец.

Девочка нам всем очень понравилась. Понравилась бы, наверное, еще больше, если бы мы спросили, кем служит Викин отец, но мы не спрашивали. Взятая починить сережку, естественно, Витя Сухой. Он же и поехал Викторию провожать на вокзал. Он же на ней чуть позже и женился. Да. Отец у Виктории был генерал – один из главарей Четырнадцатой армии.

И тут я опять вспомнил о Максе. Конечно, о нем никто никогда не забывал. Буквально при каждой встрече кто-нибудь из пацанов, да и пожалеет, что Макса с нами нет. Но в круговерти последних событий было, честно, не до него. Сейчас же, решив первоочередные дела, пора за Саню и поквитаться. Макса мы им не простим. Ответят. Спидола, конечно, участвовать в противоправных действиях отказался, но мне он и не нужен. Завтра же поговорю с ребятами.

Глава 8

Я уже собирался сегодня лечь пораньше спать. Только что закончилась последняя серия «Семнадцать мгновений весны». В такие часы город был, как вымерший. Кроме как пьянствовать и смотреть новое явление в нашей жизни – советский сериал, больше делать было нечего. И тут раздался звонок в дверь. Я открыл. В дверях стоял Гунько.

– Выйди. Поговорить нужно.

– Не о чем мне с тобой говорить, майор. Вызывай повесткой, – ответил резко я.

– И все же нужно поговорить, – ответил спокойно Гунько.

Очень хотелось снова нахамить, но я услышал в правое ухо голос китайского человека:

– Не строй из себя Жана Поля Бельмондо. Говорить с врагом лучше, чем воевать.

– Ладно. Ожидай на лавочке в парке. Сейчас оденусь и выйду. Через пять минут я уже был в парке. Город действительно был пустынный. Нигде ни души.

– За Макса мстите? – начал без прелюдии Гунько.

– О чем это ты, майор?

– О машинах. Я мог бы тебя сейчас забить до смерти, – продолжил Гунько. И мне ничего за это не будет, но вас же сто человек. Кто-нибудь да отомстит.

Гунько, похожий на небольшого медведя, с первого взгляда производит впечатление очень тяжелого и сильного человека. Майор действительно может убить одним ударом. При его маленьком росте бить он умел сногсшибающе. От его ударов двухметровый Сапог летал по комнате, как былинка.

Но не это меня сейчас беспокоит. Нас действительно уже сто человек. У каждого по двадцать пять. Но об этом знаю только я один! Надо разговаривать.

– Ну, так что, начнем? – решил я на довольно смелый шаг.

– Ты не шути так со мною. Вижу, вы здесь серьезно развернулись. Сына не троньте! – выпалил неожиданно Гунько.

– А кто у нас сын? – продолжаю я дурковать.

– Сын окончил учебу в Университете и работает у меня опером. Будто ты не знаешь? За Макса я сам отвечу, когда он освободится. У меня такая работа. Было указание. Что я мог сделать? – дуркует уже Гунько.

Я-то знаю, как было дело.

– Знаешь, что, майор? Когда Макс освободится, то будет уже поздно. К тому времени все так изменится, что ничего поправить будет нельзя. Если хочешь что-либо исправить, то начинай сейчас.

– Что ты имеешь в виду? – видно, что заинтересовался майор.

– Начинай по своим ментовским каналам искать, как выкупить Макса. Чем быстрее мы это сделаем, тем больше шансов, что все закончится мирно. Потом, повторяю, будет поздно.

– Что, действительно все будет так по-другому и плохо? – искренне удивляется Гунько.

– Ты себе даже не можешь представить, – грустно говорю я ему.

– Откуда ты все это знаешь? – пробивает майор, пытаюсь меня разговорить. Мент, он и в Африке мент.

– Ты же сам знаешь откуда. Иначе бы, не пришел ко-мне, – говорю я, не будучи уверенным, что он что-нибудь понимает из сказанного. Ведь про сто человек он мог просто угадать или употребить «сто» как метафору.

– Пожалуй, – последовал неопределенный возглас.

– Значит так, майор. Сына твоего никто и пальцем не тронет. С Максом будешь разбираться сам, если удастся его выкупить. Я в это дело не лезу. Контакттировать будешь с его роди-

телями. Даже не с ними, а с сестрой. Она на родителей окажет влияние. Пусть все думают, что это они одумались.

Узнаешь, сколько все будет стоить, и сообщишь Альке. Если у них не будет хватать денег, то скажешь мне. Я домажу. Собирался покупать машину. Бабушка накопила денег немного. Но теперь не буду. И не бойся его замазать, если нужно конечно. Говори там кому нужно, что это твой важный информатор. Нужен тебе и прочее. Свобода сейчас важнее имени. Потом отмоем его как-нибудь. Встречаемся на этом месте в это же время через год. Столько времени тебе хватит? – закончил я выступление.

– Хватит, – ответил мне, по-моему, довольный майор Гунько.

Глава 9

В «Молодежный», кроме Лысого, вошли: Баскетболист, Шуня, Моряк, Швед, Падишах, Бара и Патлатый – вся его гвардия. Ребята все проверенные в боях. У каждого есть своя команда: у кого хулиганов, а у кого – уже бандитов. Но сегодня они самолично пришли поддержать своего однозначно всеми признанного патрона – Вову Лысого.

Понедельник – с утра пересменка, и оба бармена на месте. У входной двери остался дежурить, чтобы никто не вошел, Падишах, а остальные прошли к барной стойке.

Разговор как-то сразу же не заладился. Сначала из-за стойки выскочил двухметровый бармен Валера Косяк и успел даже зарядить первого попавшегося ему на пути, а это был Патлатый, в челюсть. И хоть это был очень большой и наглый тип, но Валеру сбили с ног, заломали и предупредили, достав ножи, что еще одна такая выходка, и никто из барменов живым отсюда не уйдет. Подействовало.

Затем уже второй бармен, Ткалич, начал дурковать и тянуть резину. И денег особых у них здесь нет, и платят они всем, и связи у них огромные. Да и своих охранников у них хватает.

Пока он толкал эту лабуду, с дивана в дальнем углу бара поднялся, до сих пор молча сидящий, пацан очень странного вида и со-словами, непонятно к кому относящимися:

– Ну, мне пора, – пошел к двери.

И хотя он, казалось, ничего не мог слышать, но Падишах все же решил его остановить. Уходивший как-то умело и сильно освободился из его объятий, и все-таки вышел. Пришлось дверь закрывать на ключ. Дело начинало принимать некрасивый оборот, и Лысый предложил всей компании сдать Патлатому ножи. Виталик собрал все холодное оружие и сразу же удалился. Все это на случай, если вырвавшийся сейчас приведет сюда ментов.

Говорили долго. И про переучет забыли. Барменам рассказали, что при двухстах посадочных местах в баре продается две-три тысячи коктейлей за смену. С каждого коктейля бармен имеет один-два рубля.

Плюс торговля американскими сигаретами. Это еще, по самым скромным подсчетам, рублей триста в день. Даже учитывая то, что бармены платят из своих и уборщицам, и посудомойке, и гардеробщику, и отстегивают ОБХСС, и бухгалтеру, и начальнику торга, и кое-какие еще расходы, то сумма заработка все равно выглядит внушительно. Те двести рублей в день, что они будут платить пришедшим – не такие уж и большие для них деньги. Объяснили, что рядом с баром всегда стоят новенькие машины обоих, и что они могут вспыхнуть, как спички в любой нужный момент. Понимая, что так вот просто бармены не согласятся, дали им на раздумье неделю и сообщили, что лучше им не шутить. С тем и попрощались.

А по выходу наших уже ждали. Как только Лысый с командой вышли во двор, а они решили лишний раз не светиться и выйти через хоздвор, их окружили человек двадцать, может и больше.

Сразу началась драка. Силы были не равны. Наших уже начали забивать, но тут во двор ворвался Патлатый. Ему было сказано вынести ножи и сидеть в машине чуть поодаль, и ни в какие разборки больше не ввязываться. Но, заметив, как из ближайшего двора к бару подбегает внушительная компашка, Патлатый не выдержал. Он подогнал одну машину почти рядом с входом в хоздвор и, увидев удручающую картину с избивением наших, рванул на подмогу. Вторая машина подъехала также, но оба водителя, на всякий пожарный, остались в машинах.

У Патлатого на шее болталась сумка, а в левой руке он держал небольшой железный ломик, которым, размахивая направо и налево, косил противников. Так Патлатый пробился к окровавленному нашему и скинул им сумку с ножами. Теперь дело пошло по-иному.

Шуня, Лысый, Моряк и Падишах прилично владели ножами, и сразу же было подрезано пяток противников. Наши пацаны знали свое дело, поэтому подрезали противников не насосем, а для остратки. Воспрянули духом Баскетболист, Бара и Швед.

Ломик Патлатого очень помог переломить ход драки. Теперь уже наши принялись мочить нападавших. Те быстро попятились. Наши пацаны продолжать битву не стали, а погрузились, совершенно без спешки, в машины и отъехали. С минуту на минуту должна была уже приехать милиция.

Машины, забитые окровавленными ребятами, приехали в наш двор. Все выгрузились в квартиру Лысого, а Падишах рванул в соседний двор за Тамаркой-санитаркой – моей одноклассницей.

Тамарка окончила медицинское училище и вполне квалифицировано оказывала медицинскую помощь нашим, когда было нужно. Бинты, нитки, иголки, шприцы, медикаменты и даже гипс всегда были наготове. К тому же, она была влюблена в Иванушку, и отказать в спасении его друзей не могла по определению.

По дороге они заскочили к Гнедому в «Сиреневый туман» и забрали его. Гнедой в армии был фельдшером. Так что с медициной у нас все в порядке. В травмпункт обращаться было нельзя – врачи сразу же в таких ситуациях вызывали ментов.

Закончился переучет и бар заработал. Второй бармен не успел еще отъехать, и они оба живо обсуждали недавнее событие. Бармены все видели своими глазами из-за приоткрытой двери и, надо сказать, были под впечатлением случившегося. Уже и отбыла доблестная милиция со-своими допросами-расспросами. Конечно же, никто ничего не знал и не видел. Бар же на втором этаже и без единого окна. Еще не было и посетителей.

И тут в бар вошли сразу человек тридцать. Они деловито окружили всю барменскую компанию, а Плохиш отвел обоих здоровяков в сторону и изрек:

– Нас, собственно говоря, интересует всего один вопрос. Это с вашей подачи было нападение на наших пацанов или они по собственной инициативе напали? Никто вас сейчас бить не будет. Поэтому отвечайте прямо. Просто в зависимости от ответа будут приняты различные меры.

– Мы ничего не знаем. Разбирайтесь там сами, – довольно нагло ответил Косяк.

– Ну, так вот, – продолжил Плохиш. – Как только здесь появится их старший, то передайте ему, чтобы объявился с объяснениями. Если не объявится, пусть пеняет на себя. Вырежем всех. И вас, кстати, тоже.

– Мы не знаем кто у них старший, – уже заметно мягче ответил Валера.

– А вот тот, кто здесь сидел на диване, а потом взял и вышел, – спокойно сказал Виталик. – Шуточки закончились. Теперь будете платить, начиная с сегодняшнего дня. Пошли пацаны. – И вся компания вышла.

Как бармены не кочевряжились, а платить пришлось. Встречались еще раз через неделю. Наши в том же составе, что и в первый раз, хоть перевязанные и зашитые, а двое даже в гипсе. С барменами не торговались, время еще раз на обдумывание не давали. Сообщили их домашние адреса, рассказали, где они ставят свои машины на ночь и Лысый предложил:

– Или вы платите сейчас за прошедшую неделю, или уходите из бара подобра-поздорову. Мы поставим своих людей. С начальником торгоа мы договоримся за пять минут. Других вариантов нет. Есть, правда, еще один. Вы отказываетесь от первых двух вариантов и, для начала, наши сейчас же вскрывают гаражи, где стоят ваши машины, и они самовозгораются. Триста – это смешная для вас цена. Другие, если придут после нас, зарядят вам всю тысячу.

– Вы говорили двести, – вставил замечание Ткалич.

– Теперь триста. Слишком лечение дорогое, – ответил Лысый.

Бармены посовещались у себя в подсобке и предложение приняли.

Но конфликт с нападением на наших этим не разрешился. Выяснилось, что главным авторитетом в районе, окружавшем «Молодежный» был Юра Полоз. Он же и организовал нападение. Это был высокий, худой и жилистый, очень сильный пацан, совершенно неопределенного возраста.

Бритая его голова с выпуклыми, какими-то белесыми, глазами, впавшие щеки, в сочетании с сильно выраженными скулами, напоминала череп на пиратском флаге.

Юра, до инцидента, каждый день сидел в баре и очень часто помогал барменам утихомиривать слишком буйных посетителей. Что-то вроде вышибалы. Он собирал внушительную, как для одной драки, команду в считанные минуты. Якобы, во-всяком случае так утверждали бармены, нападение на наших была его собственная инициатива, и прямой договоренности у них с Полозом не было.

Всю следующую и последующие недели вечерами возле бара дежурили пять машин, заполненных нашими пацанами. Сидели люди и в самом баре, но никто из нападавших так и не появился.

Начали разбираться и выяснили, что недавно освободившийся Полоз – крупный авторитет среди подростковой и судимой местной молодежи, и живет в... одноподъездном доме, в том самом где жил Валера Иванушка. Поздно вечером они и столкнулись нос к носу у подъезда. В завязавшейся сразу же драке Иванушка вряд ли бы вышел победителем, но при нем уже был ТТ. Валера валить Юру не собирался, а выстрелил тому в ноги. Полоз отступил. Ему пришлось опять переходить на нелегальное положение. Но не такой он был человек, чтобы сдаваться, о чем мы уже знали.

Сразу же после стычки Полоза с Иванушкой, к нам стала поступать тревожная информация с Подола. Своих людей у нас там предостаточно. Ничего серьезного замыслить против нас, без того чтобы мы не узнали, нереально. Доложили, что некто, очень похожий на Полоза, ведет переговоры сразу же с троими подольскими авторитетами: Татариним, Князем и Алябой о том, чтобы разобраться с нашей командой по-взрослому. Сулит большие дивиденды.

Ну, с Татариним, как и с Мартоном, у нас договор о ненападении. Татарин в очень хороших с Князем, а вот Аляба – сам по себе. Лёхе ничего не стоит собрать не один десяток серьезных подольских босяков, да и нагрянуть к нам неожиданно. К тому же, у Полоза, безусловно, остались многочисленные сторонники на Борщаговке. В общем – намечается серьезная битва. Драки мы не боимся.

Лысый, Иванушка и Мартын с энтузиазмом начинают готовиться. Запасаются черенками для лопат. Разрабатывают план драки в наших традициях – с засадой в двух местах, чтобы, уж точно, никто из нападавших просто так не ушел. Нужно будет проучить пришельцев основательно.

Засада теперь поручается Михе с его пацанами. Благо дело, рядом с «Молодежным» находятся целых два огромных пустыря – есть, где разгуляться. Есть где и спрятаться. Колки пока складированы на поселке Победа в частном секторе. Застоялись

наши бойцы без серьезного дела.

Закипела работа.

И если им все это в охотку, то я придерживаюсь совершенно другого мнения. Набиваю стрелку Татарину. Посидели с Искандером или просто Игорем вспомнили старое. Устраивать избиение своих, а я уверен, что будет именно избиение, я не хочу.

Игорь нарушать наш договор тоже не намерен, и обещает отговорить другого Игоря – Князя от этой тухлой затеи.

Но Аляба... Никто не знает, как он себя поведет. Татарин вести с ним переговоры не хочет и мне это все не нравится. Забить-то мы всех, кто бы ни сунулся, заведем. Ну, а что дальше? Драка с участием более ста человек и со многими ранеными привлечет пристальное

внимание милиции. А если кого-нибудь убьют? Начнут шерстить всех подряд. В этой ситуации информацию не утаишь – стукачей везде хватает.

И что дальше? Выяснят, что все это из-за бара и тогда – все. Бар, а скорее всего все бары, закроют, а это пока единственная наша подпитка. Нужно нам это? Ни в коем случае. Нужны совершенно другие действия. Стоп. Ну, конечно же, не посторонние, а наш проверенный стукач.

Полоз появился в баре как-то днем и передал через барменов, чтобы они организовали ему встречу с еще одним завсегдатаем бара Валерой Брехуном. Барменам уже надоели эти разборки, но спорить с Юрой они не решились.

Встретились товарищи на следующий день. Валера рассказал, как дежурили здесь машины полные бойцов, рассказал о том, что в баре каждый вечер полно людей Лысого. Уже все завсегдатаи знали, кто здесь хозяин и что можно от него ждать.

– После этой заварушки между тобой и Лысым как-то все вокруг затаились. Даже сигареты никто, кроме людей Лысого, не носит. Я хочу договориться с ним, чтобы мне разрешили поставлять в бар иностранное, бухло. У меня же концы на базе. Вот только прикуплю наган на всякий случай.

– Какой наган? – встрепенулся сразу Полоз.

– Да зачастили сюда двое. Предлагали мне и Гному наган с патронами. Может и не только нам.

– Можешь их найти? Поспрашивай.

– Ну, найду и что дальше?

– Сведи меня с ними. Я прикуплю наган для себя.

– Юра, тебе с Лысым не справиться. У него, говорят, сто человек. Брось ты это. Давай я буду договариваться через Ткалича о перемирии. Он с этой бандой как-то сразу поладил. Так лучше будет.

Ткалич – высокий, полноватый, холеный тип с маникюром на руках. Первым делом бросаются в глаза его пышные очень модные в узких ресторанных кругах бакенбарды. Ну уж, а наглости – им всем не отнимать.

Но Юру Полоза как переклинило. Видимо, он сам планировал получать деньги в баре, да не успел. Брехун вычислил, наконец, двух этих пацанов, предлагавших к продаже наган. Внешностью они, что-то уж очень сильно, напоминали тех двоих, что предлагали валюту Мамонту в баре на Потапова. Встретились, договорились.

Конечно, к тому времени мною была запущена информация, которая и пришла к нашему стукачу прямо после встречи Полоза с продавцами оружия. Гунько узнал о встрече сразу же. Решили проследить за его квартирой, на которой он уже несколько недель не появлялся. Проследили и застукали. Оказывается, он давно уже пробирается поздно ночью к себе домой и незаметно там проживает.

Взяли Юру тихо, прямо поутру, выбив дверь. Полоз, не разобравшись в ситуации, схватил наган, но был нейтрализован нашими боевыми оперативниками. Получил Юра два года, но освободился он только через шесть лет. Добавили уже во время отсидки. Брал его сын майора Гунько – старлей Василий Гордиенко, за что был предоставлен к внеочередному званию. История с волнениями вокруг «Молодежного» на этом завершилась.

Глава 10

Сегодня в очень узком кругу мы отмечаем успешное окончание нашей первой полноценной боевой операции. Все четыре главных бара Киева – наши. Кроме меня, на диване в «Молодежном» восседают: Лысый, Иванушка, Мартын, Миха, Ворона, Калина, и подъехавший сегодня мой друг Олег Козлов из Тулы, он же Задумчивый.

На Задумчивого без смеха я смотреть не могу. Он ничуть не изменился после нашего расставания. Такой же средний рост и средняя упитанность. Высокий лоб, какая-то неопределенная спутанная прическа, состоящая из русых и рыжих волос. Нос картошкой, покусанные, бескровные губы, безвольный с ямочкой подбородок. Уж точно – не красавец.

Но глаза... На всем этом рябом безобразии сверкают совершенно голубые, смеющиеся, просто заливающиеся лихой удалью и бесшабашным весельем глаза. Глядя в них, я как сейчас вижу, как Олег подкалывал нашего хозяина, а тот только и мог, что ногами топтать от неспособности противопоставить, хоть что-нибудь путное, залихватским шуточкам Задумчивого. Про остальных участников того заключения я вообще молчу. Олегового языка боялись все, без исключения.

Да, лихое, веселое было время. По крайней мере, так теперь кажется. Есть что вспомнить. Как написал Олег на фото, которое прислал мне сразу же после своего освобождения: «Между нами километры дорог. Но я знаю, что ты меня никогда не забудешь, как и я тебя. Впрочем, такое не забывается».

Олег приехал не просто так. После своего освобождения из нашей исправовки, Олег очень осторожно налаживал связи с оружейной мафией у себя в городе. И наладил-таки. Пока только автоматы и «ТТ», но ему обещают и выход на Ижевск, где производят «Макаровы», если Олег окажется надежным покупателем, конечно.

«Макаров» хоть с «ТТ» не сравнится по боевым качествам, но он поменьше и его удобней прятать под одеждой. Для нас такое оружие пока лучше: до полноценных боевых действий еще далеко. У Олега проблема была в том, чтобы выйти не на перекупщиков, а на первых лиц. Перекупщики рано или поздно попадутся и это нам ни к чему. Мы должны быть отдельной и никому не известной в этой среде структурой.

Олег привез в Киев десять автоматов АКС со складывающимся прикладом еще в смазке, пять вороненных стволов «ТТ» и десять пар блестящих хромированных наручников. Наручники, наверное, самый большой дефицит из этого добра. И это уже – дело. Теперь просто так никого из наших никто не обидит. «Калаши», наручники и «ТТ»-шки разобрали те, кто сегодня восседают на диване.

С Олегом приехал и Володя Филиппов или просто – Питерский. Это наша первая с ним встреча после исправовки, и я неслышанно рад видеть обоих своих друзей. Трудно себе представить стоящих рядом двух людей более различных, чем эти двое. А уж то, чтобы они еще и дружили...

Но мы прошли вместе через испытания и невзгоды в юные годы, и это нас сблизило навсегда. Володя – намного выше среднего роста, просто огромный борец с соответствующей фигурой. Всегда коротко, под ёжик, подстрижены совсем русые волосы. Бывают и усы. Ухоженное всегда гладковыбритое лицо с крупными чертами. Глаза большие и светлые, слегка выпуклые. Уши правильные и, на удивление, не поломаны. Выдержка полная, смеется редко и сквозь зубы, также и шутит. Говорит тихо, наклонившись к собеседнику. Движения плавные. На тех, кто его не знает, как мы с Олегом, производит впечатление добрейшего человека, что совершенно не соответствует действительности. Многие на этом и погорели. С бабами очень осторожен.

Сразу же после освобождения он, не заезжая домой, отправился в Киев и, явившись к моей бабушке, сказал пароль и забрал все мои накопления. Ему было строго настрого предпи-

сано не загуливать, а попытаться сразу же поступить в Ленинградский Университет, да еще и на юридический факультет, что Володя Питерский спокойно и сделал.

При помощи Филина, оставшегося на сверхсрочную службу на должности начальника лазарета, Володя Питерский смог получить направление-рекомендацию, очень важную для поступления. Лазарет, медикаменты и, главное, спирт, знаете ли. Естественно, что все, кто в здравом уме, прекрасно понимают, что поступить в это заведение без блата или семи пядей во лбу нереально.

Мы все – выходцы из различных советских гетто и поэтому ни того, ни другого у нас нет. Остаются только деньги. Их Володя Питерский и использовал вдогонку к рекомендации. А почему возомнившим себя новой элитой можно, а простым пацанам нельзя? Не дело это. Мы тоже хотим, и имеем право, в юристы.

Питерский определился и в секцию дзюдо. Эта борьба была ему всегда по душе. В исправилковке не было возможности полноценно тренироваться, а здесь на воле – занимайся, чем хочешь, знакомься, с кем хочешь. И в таком солидном учебном заведении было с кем знакомиться.

Не успели мы как следует и выпить, как в баре показалась наша сладкая парочка, о которой мы уже почти и забыли – Лизка с Лисом. Если раньше Лиза была просто симпатичной провинциалкой, то на сегодня она явно похорошела, стала если не красавицей, то очень привлекательной штучкой. И хотя все черты ее смазливого лица несколько мелковаты, но годы, прожитые в таком городе, сделали свое дело, а мужнины деньги и очень хорошая косметика дело довершили.

Конечно, у нее нет такого лоска, как у настоящих киевлянок. Зато есть совершенная раскованность в движениях и действиях. Любит посмеяться и пошутить. Раскраска – боевая, фигура – без лишних граммов. И что удивительно: юбка – очень короткая. Просто – очень короткая. Как Лис с этой Лизой по улицам ходит? Он, видимо, от греха подальше, возит ее на машине. Но вот как его ветвистые рога могут поместиться в эту машину, я не представляю.

А что Лис? Такой же дышащий силой и наглостью здоровяк. По комплекции, может и не такой, как Володя Питерский, но приближающийся. Несколько располнел. Четы лица все крупные, как и должны быть у бывшего типичного профессионального грузчика. Но голова варит неплохо, и деньги, по Лизке видно, в семейный бюджет поступают исправно. И, мне кажется, что хорошие деньги.

На ловца и зверь бежит. Встретились они с Лысым как давние хорошие приятели. Подсели к нам. В тесноте, да не в обиде. Я с Питерским можем и постоять. Лизка тут же отправилась плясать с Олегом. Нужно заметить, что с бабами он сходилась моментально. Лысый представил Лису всей компании и объяснил, что за столом люди, с которыми можно говорить обо всем, и мы углубились в разговор.

– Я слышал, что случилось с Максом. Понимаю, что вам пришлось залечь на дно. Но сейчас, вижу, дела налаживаются, – начал Лис без предисловий.

Что он там может видеть? Несколько лет ни слуху, ни духу. Явно что-то лиса Лизка разнюхала. Она живет в одном подъезде с Викторчиком и дружит с его женой. У нее, скорее всего, и разузнала что-то про наши дела. А если знаешь основное, то остальное и додумать не сложно.

Лизка полностью усвоила урок, который мы преподали этой парочке пару лет назад. Она очень хорошо понимает значение информации в нашем деле буквально обо всем, всех и вся. Уже после короткого разговора с ней я не сомневался, что она теперь знает: кто, когда, с кем и зачем и в нашем дворе, да и во всей округе.

На меня смотрит она, как на хорошего знакомого. Думаю, что много чего и про меня знает – в одном дворе живем. За нее нужно браться немедленно. Пока Гунько за нее не взялся и не привлек к сотрудничеству. Куда бы ее пристроить? Ума не приложу. Думай, думай быстрее, Гималайский!

Сколько можно всем своим повторять:

– Держите рот на замке и пацанам каждый день это говорите!

Но куда там! Все стали такие смелые и крутые. Особенно их понаехавшие жены, те, что вчера еще не держали больше ста рублей в руках. Поговорить с Викторчиком? Смысл? При своей действительной грозности, жену он явно боится. Но, все равно, поговорить придется и с ним, и с остальными. И на высоких тонах.

– А я, кстати, выполнил свою часть договора, – прервал мои недовольные размышления Лис.

– Очень интересно, – не выдержал я.

Лис посмотрел на меня с удивлением. Я, вроде, как самый малый, но сразу заметно, что наглости моей это не уменьшает.

– Говори, говори, – поддержал его Лысый. – Здесь точно все свои.

И Лис заговорил. Для начала нам было предложено раскулачить два колбасных комбината, один хладокомбинат, мясоперерабатывающий завод, отдельный цех по производству деликатесных колбасных изделий, молочный завод и овощную базу, а в ней конкретно – единственный в городе цех, в котором хранятся цитрусовые.

Лис времени даром не терял, как и обещал.

– Я знал, что вы когда-нибудь объявитесь, и поэтому собирал материалы на эти объекты. Их я последнее время обслуживаю, – и выложил на наш суд общие цифры по этим объектам. Да, воровство идет просто сногшибательными темпами и объемами! Пацаны даже рты от удивления открыли.

Тут, наконец, возвратилась хохочущая Лизавета после затяжного сногшибательного, минут на двадцать, танца с Олегом. Как раз в это время освободился свободный столик, и администратор тут же предложил Лису с Лизой за него присаживаться. Договорились теперь времени не тратить даром и созвониться, как только будет о чем поговорить. На Борщаговке только начали проводить индивидуальные телефоны и, конечно, у Лизаветы он уже был. С тем и распрощались.

Ну, а мы, немного обсудив услышанное, попробовали все это переосмыслить. Цифры в сотни миллионов рублей впечатлили даже меня. И хоть наши бары начали приносить очень неплохие деньги, но то, что рассказал Лис, всех вдохновило на новые подвиги. Никто, безусловно, не собирается оставлять такие деньги без внимания. Но тут я ошарашил всех своим заявлением:

– У нас другие задачи.

Все попросили объясниться.

– Хорошо. Я объясню. Только в другом месте. Поехали сейчас.

– Почему не здесь? Нас же никто не слышит, – недовольны пацаны.

– Вы уверены? – спокойно отвечаю я. – Поехали.

К этому времени у наших уже две машины. Первым купил «колеса» Вова Лысый. Объясняется такая неосторожность тем, что он играет в ансамбле. Приходится перевозить громоздкую аппаратуру с места на место. В принципе, для отмастки от ментов, подходит. Якобы, музыканты все и скинулись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.